

18 / 30 Сентября 1891.

Среда.

Мияконёдзё и Сёонай.

<...> С 7-ми часов назначена была проповедь для язычников... слушателей собралось полный церковный дом и коридор, много стояло и вне; слушали очень внимательно, только мальчишки снаружи мешали криком; продолжалась 1 ч[ас] и 20 м[инут]. <...> Когда язычники разошлись, сказано еще было, но только к христианам и готовящимся к христианству, о необходимости Хр[истьянской] веры для блага Яп[онского] государства, что Яп[онский] народ, несомненно, скоро может сделаться богатым, но если в то же время не примет христианства... то от роскоши и упадка нравов скоро погибнет...

9/21 Июня 1893.

Среда. Касимадай. Оомацузава.

Фурукава.

Опять целую ночь шел дождь, поставив нас в затруднение, как продолжать путь; хотел было обуться в варадзи, братья настояли ехать до Касимадай в тележке. <...> Прибывши же, мы попали в затруднение, что делать с собой, куда деться? В доме Ивана Сасаки, где моленная икона, все полно шелков[ичным] червем, — и там теперь самая горячая работа — отбирать и пристраивать червя готового плести кокон и кормить большого червя еще не готового. Другие христиане все также по горло заняты или червем, или посадкой риса. В самом деле, это время — самое неудобное для посещения церквей; просто совестно — мешать христианам своим приездом...

15/27 Июня 1893.

Вторник. Фукусима.

Токио.

Утром о. Петр Сасагава отправился в Накамацу. Я побыл у всех христиан, в 8-ми домах. Почти ни одного домовладельца, — все — на квартирах, и

за исключением И. Аракава, дантиста, и одного разводителя шелк[овичного] червя все беднота. Словом, церковь и нравственно и физически самая слабая, несмотря на то, что одна из старых церквей.

<...> Итак, почти все церкви, существующие в Японии, осмотрел. Остальные досмотрю после Собора.

Общее впечатление, что Господь хочет быть Его истинной Вере в Японии. Везде по церквям есть... хорошие христиане; везде видны следы благодатной помощи Божией. Но жатвы много, а делателей мало; их бы и достаточно, пожалуй, да плохи очень. <...> Господь 12-ю Апостолами просветил мир, но у 12-ти чел[овек] была сила 12-ти тыс[яч] чел[овек]. Здесь ныне 120 катехизаторов, но у них силы, во всех вместе, нет и 12-ти... Одна надежда на Господа Спасителя. Твори, Господи, волю Свою и здесь, как творишь ее на небе! Являй силу Свою и здесь, как являешь ее во всем мире! Просвети страну сию светом истинного Твоего учения, молитвами Пречистой Твоей Матери, Св. Ангелов, Св. Апостолов и всех святых!

19 Сент[ября] / 1 Окт[ября] 1894. Понедельник.

Япония — золотая середина. Трудно японцу воспарить вверх, пробив толстую кору самомнения. Послушав иностранных учителей и инструкторов по разным частям, атеистов, что-де вера отошла, а коли держать что по этой части, так свое, они возобновили синтоизм, хранимый теперь Двором во всей его точности; послушав некоторых недоверов-иностранцев, что буддизм выше христианства, и посмотрев, хоть с усмешкой, как сии иностранцы (Олкот* и т. п.) кланяются порогам буддизма, они вообразили, что христианство им совсем не нужно, неприлично. И ныне плавают в водах самодовольства, особенно мелководных, благодаря победам над китайцами (три победы одержали), — и нет границ их самохвальству! Интересную коллекцию можно составить из... статей ныне, доказывающих как дважды два, что японцы — первый народ в мире по нравственности. <...> Нахлобучили, вероятно, не на малое время на себя шапку европ[ейского] и амер[иканско-]

го] учителя по предмету атеизма и вражды к христианству. Тоже — золотая середина! Она еще большее препятствие к истинному просвещению в высоком значении, чем в низменном! Что может быть хуже, прелестнее и вреднее гордости! А она — синоним пошлого самодовольства.

22 Сент[ября] / 4 Окт[ября] 1894.
Четверг.

«Шедше во все языки, проповедите» — сказано по настоящему времени никому иному на земле, как нашей Правосл[авной] Церкви, преемнице Церкви Апостольской; и именно Русской Церкви, п[отому] ч[то] Греческая бедна, не может по этой простой причине рассылать миссионеров. <...> На дело проповеди в России средства найдутся — в этом и сомнений не может быть. Но как подвинуть проповедь? Как исполнить заповедь Христову?

11/23 Июня 1895.
Воскресенье.

Католики дают цену добрым делам пред Богом. Но разве добрые дела как некое сокровище человек понесет на плечах за гроб? Нет, он не понесет ничего, кроме собственной души. Наги все предстанем пред Господом. Что это значит? А вот что. Я трудился в Японии, хоть и плохо, все же трудился, 35 лет; умри сегодня — что будет явлено завтра на Суде Божиим? Явлено будет, нажил ли я смирение или гордость; если последнее, ...то Япония, значит, не только не послужила мне самому во спасение, но, напротив, погубила меня. Иуда был апостол и спас, вероятно, многих, но это послужило ему к тягчайшему осуждению, когда он предстал пред Судом Божиим своею нагою душою, такою, как она значится в Евангелии...

25 Июня / 8 Июля 1895.

Понедельник.

Прочитал в газетах, что меня причислили к ордену Владимира 2 ст. Гораздо приятнее было бы прочесть, что мы уже выросли до того, что нам все эти цацки не нужны. 35 лет тому назад, когда я ехал в Японию, в одном месте в Сибири... мне мелькнула мысль: хорошо бы навешивать человеку кресты, когда он кончает воспитание и вступает в жизнь, и потом, по мере исполнения человеком своей службы, снимать с него кресты, — так чтобы он ложился в могилу с чистой грудью, знаком, что исполнил возлагавшиеся на него надежды, насколько Бог помог ему. Это было бы по крайней мере разумно...

25 Сент[ября] / 7 Окт[ября] 1895г. Понедельник.

Приходил епископальный катехизатор, по имени Оокура.

— О чем вы хотите побеседовать?

— Смущает меня нынешнее состояние христианства в Японии — это множество разделений и сект.

— У нас, слава Богу, их нет. А у вас, протестантов, секты — самая натуральная вещь, и странно было бы, если бы их не было. Вы понимаете Слово Божие так, другой иначе, третий, четвертый — еще иначе и т. д. Все вы видите в Слове Божием уже не Господа Бога, а ваше собственное разумение, и все тем более стоите за свое... свое роднее. Вот вам и секты. У нас не так. Кроме Свящ[енного] Писания мы имеем еще Св[ященное] Предание, т. е. живой глас Церкви от времен Апостольских доныне и во все века... Если мы чего не понимаем в Писании, мы спрашиваем у Церкви, как это должно понимать, то есть, как это понимают ученики апостолов, ученики учеников их и т. д. <...> Это и делает нас свободными от заблуждений по слову Спасителя — «истина свободит вы». Вы же, напротив, в оковах сомнений или сомнений, недоумений, исканий... несчастное состояние!

И т. д.; объяснил я ему разность с ними в понимании мест, на которых зиждутся 7 таинств, указав, что незаконно у них священство... нет поэтому у них и таинства Евхаристии.

На второй [вопрос]: признаю ли я возможность спасения в протестантстве?

Отвечал: как же я могу решить это? Мне сказано: «не суди чужему рабу — сам он стоит пред Господом», — и я поэтому предоставляю суд о том, спасутся ли протестанты, католики и пр., Богу, не дерзая сам и коснуться сего моею мыслью и словом. Одно могу сказать, что протестантство в большой опасности. Мы стоим на прямой и верной дороге к небу, а протестант пробирается трющобами и всякими окольными путями; разумеется, что ему заблудиться и запутаться в своих или чужих измышлениях весьма легко. <...>

***29 Сент[ября] / 11 Окт[ября] 1895.
Пятница.***

Из церковных писем сегодня в одном между прочим извещается о чудесном исцелении, именно в письме из Накацу тамошнего катехизатора Матфея Юкава.

Есть в Накацу Ной и Любовь Маябаяси, люди бедные, живущие дневным трудом; родился у них ребенок, но скоро помер, ибо у Любви испортилось молоко и на груди появились нарывы; расхворалась и вся она, так что отнялись у нее ноги; лечили ее, но безуспешно; врачи признали, что какой-то неизлечимый ревматизм лишил ее ног. Долго лежала она, крайне обременяя мужа, который без усталости д[олжен] был работать, чтобы прокормить ее, больного отца и себя. К прошедшему празднику Воздвижения Креста Господня прибыл в Накацу о. Петр Кавано. Христиане по обычаю собрались на исповедь. Принес на спине и Ной свою жену Любовь в церк[овный] дом, чтобы исповедаться. Но в этот вечер, накануне Праздника, о. Петр не мог всех поисповедать и оставшимся сказал, чтобы завтра утром собрались; в том же числе была

и Любовь. Ной опять понес ее на спине домой; а на Воздвижение — рано утром принес обратно в Церковный дом. О[тец] Петр исповедал ее и вместе с другими приобщил; после чего Ной понес ее домой и уложил в постель.

Уставшая Любовь проспала часа два, но, проснувшись, почувствовала силу в ногах; она попробовала протянуть их, потом встать на них, потом пойти — и какова же была радость ее, когда увидела, что все это может, что ноги ее целы, как будто никогда не были больны! В восторге, возблагодарив Господа, она отправилась к доктору, который лечил ее грудь. Дорогой встретил ее христианин, который вчера и сегодня видел ее без ног; он зазвал ее пойти в дом, потом все вместе пошли в церковный дом, откуда оповестили катехизатора и христиан, — и все, собравшись, принесли благодарение Господу за это явное чудо милосердия Его...

6/18 Окт[ября] 1895.

Пятница.

<...> Лелею я мысль, лишь только появится у нас хоть мало-мальски сносный педагог, ...расширить Семинарию, открыв ее для язычников. При этом, конечно, Семинария ни на йоту не должна утратить своего специально-церковного назначения. Для язычников было бы только объявлено, что желающие воспитать своих детей нравственно-религиозными могут определять их — на полном своем содержании — в Семинарию; здесь дети язычников первее всего непременно д[олжны] сделаться христианами; затем, по окончании курса, они свободны идти на свои пути, причем желающие продолжить образование в высших заведениях всюду будут приняты (если только хорошо учились в Семинарии), ибо образование семинарское вполне равняется — если не выше — высшему гимназическому. Мечтаю я все, что найдутся родители-язычники, которые с радостью воспользуются нашими услугами. Но так ли? Несомненно одно: в Семинарию станут принимать детей испорченных, воришек, завязых лентяев и сорванцов и т. п., вроде бывшего Василия Катаока, сына нынешнего камергера Катаока.

Несомненно то, что если не все, то некоторые из них исправятся у нас, как исправлен был Катаока (к сожалению, ныне умерший...). Но испорченные, даже и те, которые исправятся, успеют привить свои болячки немалому числу здоровых детей, — так что в этом отношении — плюс за минус — в результате нуль. А здоровых нравственно детей язычники будут ли отдавать в нашу Семинарию? Сомнительно. Это же и есть то, о чем говорит статья: «where the Japanese are not allowed to take the lead in the management of schools, it is alleged that the best class of students carefully avoid them»*. А у нас хоть и японец (педагог) будет начальником школы и японцы учителя, но школа — определенно и неуклонно конфессиональная — духовное заведение для воспитания служащих Церкви; ни малейшей уступки никакому веянию мирскому, ни малейшей подделки... Значит lead (руководство) будет отнюдь не японское, а общеправославное. Поймут ли это японцы? Да кто же из язычников в состоянии понять это?

Итак, не праздная ли и грозящая только неудачами моя мечта о расширении Семинарии? Передумать, вновь все обдумать и не дай Бог ошибиться! Не поздно еще. Никто почти и не знает о моих мечтах (продолжение на следующей странице).

7/19 Окт[ября] 1895.

Суббота.

<...> Продолжаю о Семинарии. Главный наш элемент в Семинарии, если и расширять ее, будет тот же, что ныне: довольно плохой народ, самая заурядная посредственность и ниже ее; но все же из этих людей те, которые дотаскиваются до окончания семилетнего курса, делаются порядочными служителями Церкви; замечательных людей они еще из себя не выделили, но, смотря на них, мне тем не менее иногда приходит мысль о «худородных, буйих и немощных» Ап[остола] Павла.

Итак, поступающие к нам японцы без развлечения, прямо и неуклонно влекутся к цели заведения — воспитанию служащих Церкви, и лучшие из них этой цели не минуют.

Будет ли так, когда в Семинарию войдут и язычники, наметившие себе разные жизненные пути, но не церковные? Но мечтать ли, что наши воспитанники будут влиять на них и притягивать на свой путь? Нет, за такую мечту я уже поплатился когда-то. <...> Напротив, влияния обратного нужно опасаться, и оно несомненно будет, ибо за спиною у мирских воспитанников будет стоять целый светский мир с бесчисленными служебными путями, один другого выгоднее и заманчивее, — а у наших бедных питомцев что? 8–12 [й]ен жалования в месяц и какое-то неясное для японцев дело. Возвышенность, идеальность этого дела многих ли завлечет? Самородки для этого нужны, но их еще пока нет. Простых же наших воспитанников с мало-мальски порядочными способностями будут похищать у нас, и мы будем догадываться об этом лишь тогда, когда они похищены, ибо медленно долбящей как капля камень работы отвлечения, производимой товарищеской, ежедневной беседой, мы не можем ни видеть, ни предупредить. И теперь бывают случаи с поступившими в Семинарию воспитанниками, что чуть только обнаружил незаурядные способности, глядь его уже нет у нас, а торчит в каком-нибудь мирском заведении, — это значит, родные спохватились — может-де впоследствии быть более выгодною дойною коровой. Итак, открыть двери Семинарии для язычников — значило бы поставить наших церковных воспитанников среди двух батарей: с одной порченые будут обдавать их картечью дурных поступков и слов, с другой — непорченные палить бездымным и бесшумным порохом ласк, зазываний и отвлечений. Благоразумно ли с нашей стороны употребить такую тактику, самим врага звать и принять в свою крепость? Нет, пусть в Японии переменится ветер; теперь он совсем неблагоприятен для дела, о котором я думал; пусть пойдет на прилив, — теперь еще отлив. Авось настанет и такое время, когда язычники сами станут стучаться в нашу дверь, тогда будет время для других мыслей и планов. А теперь — идти скромно тем путем, который, видимо, Господь указывает нам...

15/27 Декабря 1895.

Пятница.

Часа в два был Rev. Taft, баптист. <...> Между прочим спрашивал:

— Признает ли наша Церковь иерархию епископалов?

— Нет. Да и как же мы поставим их священство наравне с нашим, коли они сами не допускают сего, отвергнув таинство священства?

— Перекрещиваете ли вы при переходе к вам тех, которые крещены обливанием?

— Нет, если они крещены правильно во имя Св. Троицы. Это делаем на основании Символа Веры, где мы исповедуем «едино крещение». А что крещение чрез обливание есть тоже крещение, на это мы имеем убедительные примеры у первенств[ующей] Церкви, где иногда, напр[имер], заключенные за веру в темницах крестились чрез обливание, не имея и возможности креститься иначе. Случается и ныне прибегать к обливанию, за невозможностью погружения. Напр[имер], мне самому здесь пришлось крестить одну больную женщину, лежавшую почти без движения, по горячей просьбе ее мужа и желанию ее самой. Как ее погружать? Да и во что — в японском доме? Притом нужно крестить спешно, ибо больная в опасности... Я не сомнясь и крестил ее чрез троекратное обливание во имя Отца и Сына и Св. Духа.

— Католики не позволяют своим христианам читать Свящ[енное] Писание: ваши как обращаются с ним?

— Нашим христианам внушается иметь всегда Св[ященное] Писание в руках и в уме, как живое и руководственное Слово Божие.

— Католики уверены, что кроме них никто не спасется; меня один патер уверял, что я непременно пойду в ад. Вы как думаете об этом?

— Мы твердо уверены только в том, что кроме Христа нет другой двери в Царство Небесное, а также в том, что пред нами самый прямой путь к этой двери, но попадут ли в эту дверь из окольных путей, мы не знаем и предоставляем судить об этом Богу, страшась сами делать это.

10/22 Января 1896.

Среда.

Душевная жизнь складывается из ежедневных, ежечасных, ежеминутных мыслей, чувств, желаний; все это — как малые капли, сливаясь, образуют ручей, реку и море — составляют целостные жизни. И как река, озеро светлы или мутны оттого, что капли в них светлы или мутны, так и жизнь — радостна или печальна, чиста или грязна оттого, что таковы ежеминутные и ежедневные мысли и чувства. Такова и бесконечная будущность будет, — счастливая или мучительная, славная или позорная — каковы наши обыденные мысли и чувства, которые дали тот или иной вид, характер, свойство нашей душе. В высшей степени важно беречь себя ежедневно, ежеминутно от всякого загрязнения.

11/23 Января 1896.

Четверг.

Увеличиваются ли шансы на распространение христианства в Японии? Напротив, уменьшаются. Прежде стоявшие во главе государства, вроде Соесима Ивакура, были люди умные, но без европейского образования; не веровали, но оставались под сомнением — «быть может-де и со стороны науки вера предписывается». Ныне же универсально образованные начинают пробиваться на вершины, вроде Канеко [?] из Харварда и т. п.; эти уже неверы решительные, отрицающие веру «во имя всесветлой-де науки». Японцы же такой стадный народ: лишь бы кто с закрученными рогами да из своих пошел вперед, толпой повалят за ним.

14/26 Января.

Воскресенье.

<...> Был молодой бонза Ито, из Кёото, секты Киси Хонгвандза [?], направляется из России в Сибирь изучать нашу веру; предварительно будет в Индии и Персии еще знакомиться с магометанством. Посылает его начальство. Какая цель, не говорит он. Вероятно, — в том или другом виде — противодействие христианству. Во всяком случае — легкомыслие.

4/16 Февр[аля] 1896.

**Воскресенье. Заговенье перед В[еликим]
П[остом].**

Пред Вечерей был офицер с «Амура», князь Святополк-Мирский, любит говорить; о положении Церкви в государстве ничего не знает; с католических книжек утверждает, что у нас церковь не православная, а русская, в смысле государственного учреждения, правит ею обер-прокурор, царь в ней самовластен и т. п. Ах, как у нас светский мир вообще невежественен в религии! И посланник, и секретари, и... путешественники, все-все порют дичь о своей вере и своей церкви, хотя называть их безрелигиозными нельзя, никак нельзя, — но религиозных знаний, кроме ходячих или, так сказать, висящих в воздухе, — ни на грош; а кто же не знает, что наш светский воздух заражен миазмами инославия. <...> После Вечерни и Повечерия было прощание; я сказал несколько слов и потом, попросив у всех прощения, поклонился до земли; потом священнослужащие простились со всеми и взаимно...

5/17 Февр[аля] 1896.

Понедельник 1-й недели Вел[икого] Поста.

Начались великопостные службы для говеющих, которые, впрочем, почти одни только учащиеся, даже учителя-академисты отсутствуют, видел только после часов двух-трех, да и те пришли, кажется, больше для того, чтобы показаться мне на глаза, в чем и успели. Утренняя начинается в 6 часов и кончилась сегодня в 40 мин[ут] восьмого; часы в десять, продолжались тоже час и сорок минут; повечерие в 5¹/₂ часов, кончилось в 7¹/₂ часов.

Из русских за вечерней была Мт Будиловская. Муж, привезши ее в церковь, отправился на званный вечер к принцу Канин'у. Тоже своего рода служба, которую англичане сумели бы подчинить своему религиозному режиму, но русские — где же? Сегодня все на баке, и возможно ли даже вообразить, что кто-нибудь нашел это несвоевременным! Куда! В прошлом году в этот же понедельник... адмирал... велел своему

православному оркестру играть вечер за обедом в гостинице в Иокохаме; гостинник, для удовольствия жильцов (во время обеда), заикнулся адмиралу: «не пришлете ли, мол?» «Отчего же», — отвечал русский адмирал, разыгрывая подлейшую роль обезьяны. И никому в голову во всем русском флоте и во всех... посольствах... не приходит, что мы, русские — унижаемся и сокрушаем себя подобными поступками. <...>

1/23 Февр[аля] 1896.

Воскресенье.

<...> Наш военный агент приезжал проститься — едет в Россию. Очень недоволен, что Япония так быстро двинулась вперед, что в некоторых отношениях ныне даже выше России. Я ему напомнил, что Япония 1200 лет назад уже была образованным государством, когда России на свете и вообще не было; доказательством первого могут служить ему многие предметы, выставленные в Музее в Уено; там есть множество буддийских монет и принадлежностей 1200-летней давности, столь изящных, что их можно принять за произведения настоящего времени. Между тем Япония в настоящее время куда меньше и слабее России! Итак, «наша отсталость» кое в чем от Японии не есть отсталость, а «недогнанность», весьма натуральная при сопоставлении наших взаимных возрастов. Кое в чем, например в грамотности народа, Япония едва ли не впереди и всех европ[ейских] государств. Ходячие библиотеки, еще 35 лет тому назад поразившие меня в Хакодате, и наблюдение, что все пользуются ими.

13/25 Февр[аля] 1896.

Вторник.

В ныне полученном № «Акита-симбун» говорится, что в греческой вере совсем слиты светская и дух[овная] власть, что русский Император — безусловный начальник всех душ, принадлежащих к этой вере, русские ли то, греки, сербы, румыны, китайцы, японцы и т. п. Не стоит опровергать такую дичь в Сейкё-Симпо. Отдал газету младшему классу

катех[изаторской] школы, чтобы ученики коллективно отписали в редакцию, что они не только не слышали, но и вовсе не видали такого учения.

Был некто Сагара, посещающий меня уже лет 15, но не поддающийся никаким религиоз[ным] убеждениям. Человек почтенный, уже седой, в иностранном платье, толкующий о Правительстве, к членам которого и сам принадлежал, и о разных высоких материях. Ныне он только что с остр[ова] Эдо: ...рассказывал, между прочим, об айнах и пресердечно уверял, что они произошли от сосланной японки и собаки, приласкавшейся к ней, в доказательство чего выставял, как неопровержимый факт, что череп айна без швов. Это мне напомнило высокообразованного японского судью, с которым я трактовал на судне отсюда в Оосака, — авторитетно утверждавшего, что люди разных стран различны по происхождению: родоначальники японского племени зародились и произошли в Японии, русского — в России, американские аборигены в Америке и так далее. На вопрос: откуда же и как они родились? из ила ли, из земли, воды или как иначе? почтенный судья определенного ответа дать не мог, но тем не менее остался с поднятою высоко головою.

3/15 Марта 1896.

Воскресенье.

В Церкви на мужской, правой стороне стоят сначала певчие, потом ученики, за ними христиане. Но ученики всегда прячутся назад, оставляя большое пространство между собою и певчими. Сколько раз я наказывал... им лично, чтобы не делали этого! Раз станут как должно, а потом, смотришь, опять — пустыня среди Церкви. Учителям бы подавать пример стояния в Церкви, так куда! Их почти никогда ни одного в Церкви нет, — а придет кто — становится у порога, около ленивой скамейки; сколько раз их убеждал становиться ближе — даже и по разу-то не послушали! Пришел я сегодня в церковь в хорошем настроении; кстати, и наших матросов увидел в Соборе много — думал,

хорошо помолимся. Но пустыня направо, между певчими и учениками... беготня среди этой пустыни грязных уличных мальчишек — до того расстроили меня, что я потерял все молитвенное настроение и впал в отчаяние: когда же Господь даст мне помощников и даст ли? Ужели моя непрерывная молитва о сем, и почти о сем одном, — тщетна? Вот и академистов сколько воспитал, чая в них помощников себе, и ни единого! Хоть бы кто близко принял к сердцу дело церкви, дело церк[овной] школы, дело воспитания служителей Церкви! Итак, ужели и Церковь здесь рушится с моею смертью, как чают католические патеры, точно вороны, ждущие моей смерти? <...> Как не прийти от сего в уныние! Я почти полумертвым двигался по Собору и еле ворочал языком, чтобы произносить то, что необходимость заставляла произносить.

«Призри с небесе, Боже» — произнес точно во сне таким вялым и низким голосом, что певчие сбились... Никогда еще не было этого со мной — никогда не впадал в подобное отчаяние. В середине Литургии едва несколько оправился, и какая мысль подбодрила? <...> Обижен я, что из японцев нет мне помощников, но если бы я сказал им о сем и если бы они ответили мне: «а из русских-то помощники у тебя есть?» — что я возразил бы им? Итак, Господи, когда же воспрянет Россия к делу православия? Когда же явятся православные миссионеры? Или Россия и вечно будет производить все таких же самодуров и нравственных недорослей, какими полна доселе и каких высылала сюда немало? — вечно, пока так и не погибнет в своем нравственном и религиозном ничтожестве к страшному своему осуждению на Суде Божьем за то, что зарыла талант? <...>

13/25 Марта 1896.

Среда.

Кончили перевод книги Деяний св. Апостолов — и этим до Пасхи завершили дело; Накаи проверит переписанное, чтобы в Пасхальную ночь... читать Деяния по новому переводу.

15/27 Марта 1896.

Пятница.

Дал Тимофею Саки для перевода 1-й том творений Св. Ефрема Сирина. Благослови, Боже, переводить сего св. отца! <...>

16/28 Марта 1896.

Лазарева Суббота.

День в обычных занятиях... с 6-ти ч[асов] всенощная, на которой, как всегда, было много молящихся. Особенность ныне та, что христиане, по незнанию ли или по нетерпению, зажгли свои свечи к своим вербам гораздо раньше освящения воды; сначала на мужской половине, потом и на женской свет разлился еще до чтения Евангелия. Думал обернуться и сказать «еще рано, загасите», — загасили бы, но зачем? И самому так радостно было — осажденному светом!

После Всенощной слушал причастные молитвы вместе с завтрашними причастниками; по левую руку позади меня кто-то все время сдавленно плакал; значит, есть и между японскими христианами глубоко кающиеся.

17/29 Марта 1896.

Вербное Воскресенье.

<...> Была жена врача Пантел[еймона] Иванно, сына Анны, начальницы нашей Женской школы; привезла из Оосака (где муж — главный врач городского госпиталя) сына Иону в одну из здешних гимназий. Как уроженка Оосака, долго потом жившая в Кёото, она отлично знает оба эти города и в болтовне, на которую великая мастерица, преумно охарактеризовала их. Кёото — это город, бывший столетия под гнетом сёгунской власти: и Император, и народ привыкли к смиренной, униженной жизни, поэтому народ — трудовой, не знающий и не любящий роскоши; там на лавках торгуют женщины, чего в Оосака нет; вообще женщины стоят на одном уровне с мужчинами;

труд равняет их; при этом, так как влияние буддизма было многовековое и во время Сёгуната оно не было преследуемо, то народ привык и привержен к буддизму, вообще же постоянен в своих навыках и привязанностях. Трудно там ныне приобрести христиан, но если они будут приобретены, то будут уже прочные, неизменные христиане, не то что в Оосака, где народ непостоянен. <...> Народ в Оосака вообще живет подвижнее, восприимчивее и изменчивее. Отчего? Да там в самих обстоятельствах жизни много элементов, воспитывающих сии качества. Сегодня — богач, завтра — бедняк, но с надеждой послезавтра разбогатеть. Человек приходит в Оосака ни с чем, только с руками, и он не помрёт с голоду — тотчас же найдет работу для своих рук, — а в Кёото он может и помереть; там труд вековой и продолжающийся в одном семействе или в известном составе лиц, к которым разом присоединиться нельзя.

19/31 Марта 1896.
Великий Вторник.

<...> 16-тилетний мальчик Ватанабе пишет письмо, над которым, по-видимому, много потрудился, судя по каллиграфии и по складу: «желаю-де в вашу веру, но не знаю, как ей научиться, — не возьмете ли в слуги?» Сказал написать ему, чтобы отправился к катехизатору в Фукусиме; пропитание будет дано ему, и до сентября может научиться вере, чтоб креститься, если заслужит того и сам захочет; а с сентября можно его принять сюда в школу.

5/7 Апр[еля] 1896.
Пятница.

О[тец] Сергей Страгородский, из Афин, пишет: предлагает себя сюда вместе с каким-то о. Андроником, кончившим в прошедшем году курс в Московской Академии и ныне состоящим инспектором в Ку-таиси, и «скорбящим, так как попал к дикому ректору». Последнее, т. е. «скорбь» и «дикий», не рекомендательно: терпения и благодушия не обещают, а без них сюда нельзя.

17/29 Апреля 1896.

Среда.

Симеон Мацубара из Аомори... описывает жизнь и смерть одного христианина, по имени Исаяя Кондо; точно страница из житий святых. Исаяя сам был беден, жил тем, что днем продавал по улицам «сою», а вечером «соба», но всем, кому только нужно было, говорил о христианской вере; любимым чтением его было Свящ[енное] Писание и Жития Святых; самым любимым занятием — молитва. В субботу после полдня он, обыкновенно, прекращал свою разносную торговлю и начинал духовные занятия, в которых и проводил все время до конца воскресенья; в другие праздники поступал так же. Когда священник посещал Аомори, он всегда говел и причащался. В церкви Аомори он, несмотря на свою бедность, всеми был уважаем и избран был в старосты, каковую должность и исполнял со всем усердием. Но особенно отличительною чертою его было милосердие. Катехизатор пишет, что он знает 27 случаев, когда он выручал бедных из самой крайней беды; из них 4-5 он приводит в письме; вот, например, один: ходя с «соей», наткнулся он в одном доме на такое бедное семейство, что старуха-мать только что померла от голода; другие члены семьи были близки к этому и плакали около трупа, не имея средств похоронить его. Исаяя, бросив свою «сою», прибежал к Мацубара, занял у него 1 [й]ен, заказал кадку для покойницы; потом сам обмыл труп, сам вырыл могилу — уже ночью, с фонарем; сам, с помощью бондаря, снес кадку-гроб на кладбище и похоронил, читая и распевая христианские молитвы, которыми он всегда сопровождал и языческих покойников. Вот другой случай: набрел он на нищего, обессилевшего от голода и упавшего на дороге старика; принес к себе, питал, служил ему и, наконец, отправил к родным, в далекий город. Вообще питался сам скудно, все, что добывал своим промыслом, он раздавал нищим и бедным. Своими делами милосердия он приобрел себе немалую известность в городе, так что местные газеты выставляли его в пример подражания. Умер он от тифа, простудившись. Предсмертные слова, которыми он утешал свою плачущую бабу, до того трогательны, что нельзя читать без слез: смерти нет для него — только жизнь, — здесь ли, там ли,

ибо живет он во Христе. Похоронен он великолепно; о. Борис прибыл, несколько окрестных катехизаторов собралось, местные христиане не пожалели ничего. Язычников также множество провожало.

Письмо так расстрогало меня, что я — так как за чтением его застал звонок в классе, — взял Давида с ним в класс и велел прочитать пред учениками, в доказательство, что есть хорошие христиане и в Японии. Велел потом напечатать письмо в «Сейкё Симпо» и «Уранисики».

Родом Исаяя Кондо был из Оодате: был прежде «сооси» и горячо участвовал в политических прениях, умер 25 лет.

18/30 Апреля 1896.

Четверг.

Утром английский путешественник явился с рекомендат[ельным] письмом от Bishop'a Bickersleth'a. Так как это было во время перевода, и притом через полчаса нужно было отправиться в Посольство, то я на том же письме сделал надпись, приглашая «завтра или послезавтра после полудня»; он надписал, что «завтра оставляет Токио», и вернул ко мне письмо. Нечего делать — выглянул в коридор и пригласил его в гостиную.

— Как вы смотрите на христианство в Японии? Правда ли, что японцы начинают переделывать его по-своему, чтобы применить к своей стране?

— Правда, что здесь явятся некоторые особенности, наприм[ер], наши христиане во время проповеди сидят, тогда как в России слушают стоя. Но дальше подобных внешностей не пойдем. Или же это будет не христианство, а полужычество и т. п., о чем и говорить не стоит.

— Думаете ли вы, что Япония сделается христианской?

— Без всякого сомнения! Сто лет не пройдет, как Япония вообще станет христианской страной. Смотрите, с какою легкостью распространяются здесь самые нелепые секты вроде «Тенрикёо»; значит... японская душа в религиозном отношении пуста — ничто не наполняет ее, — изверились старые веры, — открыто место для новых верований. «Тенрикёо» и т. п. удобно распространяются [потому], что слишком легко принять их... простые, неглубокие... слишком мало содержания в

них; не так легко принять Христианство, требующее усвоение его всеми силами души; но зато «Тенрикёо» скоро и исчезнет, а Христианство, мало-помалу проникая в душу Японии, водворится навсегда. А что японский народ способен к глубокой религиозности, на то существуют неопровержимые доказательства в лице многих достойных христиан из японцев. <...> И рассказана была жизнь вышеозначенного Исаяи Конда.

23 Мая / 4 Июня 1896.

Четверг.

Какая великая скорбь! Ждешь самых радостных известий — и вот: по вчерашней телеграмме 2100 человек убито и ранено на празднике Коронации, по сегодняшней 1300 убито! И когда это прекратят этот устарелый и столь вредоносный обычай угощать народ натурой! Хорошо это с небольшой дружиной, вроде Владимировой, или с очень дисциплинированной средой (которая, впрочем, где?). <...>

24 Мая / 5 Июня 1896.

Пятница.

Начали разводить садик вокруг собора; сегодня первое дерево перенесли с семинарского места и посадили по левую сторону от собора у ограды — клен. Имеется в виду — вокруг стен собора развести цветы, а по ограде посадить деревья.

25 Мая / 6 Июня 1896.

Суббота.

Моисей Минаро пишет о христианах-курильцах на о[строве] Сикотане, где он с ними провел зиму, — хвалит их глубокое благочестие (недаром принадлежали к пастве приснопамятного святителя Иннокентия) и трогательные христианские обычаи, например, за неимением священника для исповеди по местам, — они друг другу исповедуют свои прегрешения и получают временные наставления, особенно это делают младшие пред старшими. Пас-

ху ныне праздновали особенно торжественно, т. к. катехизатор Моисей был с ними. К письму Моисея приложено писанное по-русски письмо Якова Сторожева; но из него ничего нельзя понять, кроме того, что их — всех христиан на Сикотане — ныне 58 душ и что желают они, чтобы Моисей опять был прислан к ним.

31 Мая / 12 Июня 1896.

Пятница.

Непрестанно занимает мысль о том, что при Св. Синоде д[олжен] б[ыть] миссионерский комитет: 1. для зарождения и воспитания миссионерской «мысли» (не говоря о «стремлении» — того нужно еще сто лет ждать) в дух[овно]-учеб[ных] заведениях; 2. для зарождения и развития заграничных миссий. Сколько уже перебывало здесь миссионеров — «quasi»! Но от о. Григ[ория] до о. Серг[ия] был ли хоть один миссионер настоящий? Ни единого. Оттого все и уехали. Почему это? Очевидно, потому, что в дух[овно]-уч[ебных] завед[ениях] в России и мысли нет о миссионерстве! Шедше, научите вся языки — как будто и в Евангелии нет. Хотя слышат это все и знают наизусть. — И нет у нас иностранных миссий! В Китае, Индии, Корее, здесь — моря и океаны язычества — все лежит во мраке и сени смертной, — но нам что же? Мы — собака на сене! Не могли-де коснуться Православия — «свято оно»! — Но почему же вы не являетесь его миру? — Ответит на сей вопрос Св. Синод?

19 Июня / 1 Июля 1896.

Среда.

<...> Заход солнца, при многих облаках, дал столько и таких прекрасных цветов на небе, с радугой еще на востоке... Туда бы, в те облака света — купаться в них, забыть все горести и мелочи жизни сей! И сподобит ли Господь когда? Уже 60 лет, недалеко от края — что-то будет? <...>

1/13 Июля 1896.

Понедельник.

Какой-то иеромонах Викентий из Свяжского монастыря прислал прошение на службу в Миссию. Но слишком крючковато и игриво написано. Не нужно такого.

6/18 Июля 1896.

Суббота.

Вот это называется трудовой день: с 5-ти ч[асов] утра до десяти с лишком вечера точно в котле кипишь! Таков всегда следующий день после Собора; катехизаторы массой стремятся разлететься; с каждым нужно попрощаться и сказать каждому то, что именно ему следует, и дать каждому, что ему нужно.

7/19 Июля 1896.

Воскресенье.

<...> Если позволяется и миссионеру иногда уставать, то сегодня я могу сказать, что устал. <...> Что страшнее смерча? А отчего он? От встречи двух ветров. Итак, если дует ветер злобы, подлости, глупости, то не возмущаться и не воздымать навстречу ветер гнева; тогда дрянной ветер разрушится сам собою в ничто; а иначе — ломка и гибель, а после угрызения и терзания. Сохрани меня, Господи, от гнева и дай спокойствие капитана, плывущего по беспокойному морю!

11/23 Июля 1896.

Четверг.

<...> Петру Исикава, редактору «Сейкё Симпо», дал мысль, чтобы он к собору 1900 года написал историю правосл[авной] церкви в Японии. За четыре года может корреспонденцией с церквами собрать материал. Может даже для того сделать путешествие по церквам, чтобы на месте лучше все узнать и записать. Теперь еще живы старики —

первые христиане — свидетели первых следов благодати Божией, созидающей Церковь. Нужно собрать именно живые факты, знаменательные случаи, чудесные явления, которых немало уже было. Лет через 10-15, когда первое поколение христиан сойдет в могилу, почти все это будет утрачено и вместе с тем сколько назидательности будет утрачено!

13/25 Сент[ября] 1896.

Пятница.

Вчера кончили послание к Галатам; сегодня приступили к посл[анию] к Ефесянам и за все утро, с половины восьмого до двенадцати, только 8 стихов перевели, на 9-м остановились, и кажется — годы думай, не переведешь; все тексты сличил, все толкования пересмотрел и до сих пор не знаю, к кому «благоволение» относится, к Богу Отцу или Сыну. Накаи, укладывая письм[енные] принадлежности, смеясь, заметил: «Так-то трудно Св[ященное] Писание для понимания, а чаще всего приходится слышать... будто оно такая легкая для чтения и понимания вещь, что об ней уже и говорить не стоит».

15/27 Сент[ября] 1896.

Воскресенье.

О[тец] Павел Морито просто морит меня своими письмами! О самом простом и несложном предмете валяет всегда убористым почерком многие листы.

16/28 Сент[ября] 1896.

Понедельник.

1-я глава Посл[ания] к Ефесянам до того неодолима для понятного перевода на японский, что я впал в отчаяние — вся энергия пропала, рука опустилась, и я бросил на сегодня переводить.

*21 Сент[ября] / 3 Окт[ября] 1896.
Суббота.*

Между грехами несомненно будут взысканы с нас и грехи глупости; совесть про то говорит: ...разум — самая первая наша способность, и если не пользуешься им, значит виноват. По глупости ведь большая часть болезней у нас, по глупости вот и я простудился и ныне д[олжен] б[ыл] скучать весь день.

9/21 Октября 1896. Среда.

Был Оосакский Bishop Awdry, просил стат[истических] данных нашей Церкви, я дал ему книжку год[ового] отчета нашего собора нынеш[него] года. Заговорил он о взаимных симпатиях наших церквей — англиканской и греко-российской.

— Знаю, и памфлет о сем читал, но подвинулись ли мы на один шаг друг ко другу с тех пор, как стали объясняться во взаимной любви? Нет! Отчего? Оттого, что совершенно косны в другом отношении. Вера Христова не любовь только, но и истина, — и даже прежде истина, потом любовь. Вы старались ли уяснить себе это? Мы вас знаем, — вы знаете ли нас? Знаете, что у нас Христова Истина хранится так, как она дана Христом, так что вы каждый наш догмат можете по векам довести до уст апостольских; заветы, что изрекли уста апостольские... не до точности ли сохранились у нас? Доказательства, что именно у нас живая и действенная Христова Истина, у вас перед глазами, вы найдете [их] в Книжке протоколов статистики нашей Церкви. Подумайте, кто творит успех нашей Церкви? У вас под рукой сколько миссионеров?

— 12 священников, много миссионеров...

— У вас одного?

— Да.

— Стало быть, в пять раз больше во всей епископальной миссии в Японии. У нас нет ни единого русского. Я один, но и то не занимаюсь

проповедью. Кто же делает нашу Церковь такою, как она есть? Очевидно, сама Истина, живущая в Правосл[авной] Церкви.

11/23 Ноября 1896.

Понедельник.

Был христианин... и с ним язычник; христианин молодой, язычник постарше, опытный, хорошо знакомый с Тоокёо и потому руководящий христианином, в первый раз прибывшим с ним сюда, — оба по делам своей торговли. О делах нашей церкви в [нрзб] язычник говорит мне больше, чем христианин; симпатичным он мне показался очень, и стал я убеждать его сделаться христианином, стал говорить об истинном Боге и пути спасения; минут 15 проговорил — и от всего сердца; смотрю, однако, беспокойно оглядывается... «а что, у нас здесь больше нет дела?» Что будешь делать? И вот таких японцев больше всего в Японии: люди добрые, симпатичные, и в поведении неукоризненные, но спит высшая сторона души, составляющая подобие Божие, «дух»...

16/28 Ноября 1896.

Суббота.

Серг. Вас. Муяки пишет из Кёото, что был в Оцу, в доме, где перевязана была рана наследника Цесаревича; есть надежда, что дом можно купить: хочет купить его на имя о. Симеона Мей, а потом, когда иностранцам можно будет приобретать землю, перевести на свое имя: устроить витрину в комнате с вещами, служившими при перевязке, поселить в другой комнате катехизатора и проч. Я ответил, что дай Бог ему с о. Симеоном привести дело к... осуществлению.

26 Ноября / 8 Декабря 1896.

Вторник.

Сегодня утренним занятием мы с Павлом Накаи закончили перевод Нового Завета. Начали в сентябре прошедшего года; значит, мно-

го больше года употреблено. Ежедневно сидели с половины восьмого до двенадцати и вечером с шести до девяти. Теперь больше года еще займет исправление перевода, пока решимся напечатать. <...> Перед нами были: 3 греческих текста, 2 латинских, славянский, русский, англ[ийский], франц[узский], немецкий, 3 китайских, японский, толкования на русском и английском; все лексиконы; и каждый день почти каждый час приходилось копаться во всем этом, — словом, добросовестность не нарушена, и при всем том перевод плох, хотя, конечно, лучше китайских и японского — последний вульгарностью своею немало иногда потешал нас; из китайских — наш пекинский также потешен; лучший из китайских — тот, что ныне в общем употреблении и в Японии, и при всем том... таков, что Накаи... из 10-ти [стихов] 8 не понимал; из 10-ти стихов 5 не понимал даже и по японскому (вульгарному) переводу. Можно себе представить, насколько ясно понимают Свящ[енное] Писание не столь ученые японцы, как Накаи!

<...> Наш перевод, по крайней мере, ясен, и связь мыслей в нем по возможности соблюдена... ..по возможности, конечно, напр[имер] у Ап. Павла длинные его периоды необходимость заставляла разрубать на части, при чем оригинальное течение речи и мыслей никак не могло быть соблюдено. — Помоги, Боже, теперь исправить, что можно!

29 Декабря 1896 / 10 Января 1897.

Вторник.

<...> Матфей Ина, женатый на сестре умершего бывшего катехизатора Андрея Ина, отпевает кончину Андрея.

За полчаса до смерти Андрей, уже лишившийся способности говорить, знаками велел женщинам оставить комнату и, потребовав кисть и бумагу, спросил письменно у доктора: «Решено ли?» Тот тоже кистью ответил конфуциевой фразой, что, мол, «участь человека — умереть, [нрзб] только научитесь», но к этому прибавил: «ты же не только научился, но и учил многие годы других», т. е. был много лет катехизатором (доктор хоть был язычник, но знал службу Ина). Поняв из

этого уклончивого ответа, что жизнь кончена, Андрей написал... «Кратки дни! Пятьдесят три — вершина! Четырех недостает!» — т. е. умирает 49 лет; положил кисть, перекрестился и испустил последний вздох. За несколько дней он приобщился св. Тайн, был все время в мирном христ[ианском] настроении.

3/15 Января 1897.

Пятница.

Вчера был молодой американец Mr John R. Mott. <...>.

— Какие препятствия к распространению Христианства в Японии?

— Со стороны японских старых религий больших препятствий нет. Буддизм — мертвец, которого еще не успели похоронить, но это в наступающем столетии сделают; бороться с ним так же не пристало, как бороться с трупом; держатся его кое-где и довольно крепко — невежеств[енная] полоса народа, который по мере образования поймет, что буддизм в религ[иозном] отношении — сущая пустота, ибо без Бога какая же религия! Больше препятствий со стороны конфуционизма, но тоже не в религиозном отношении, а в нравственном: он слишком надмевает своих приверженцев; конфуционист почти всегда порядочен, не имеет кажущихся пороков... и вследствие всего этого совершенно самодоволен: на все другие учения смотрит свысока и недоступен для влияния их; проникнуть христианству в душу конфуциониста так же трудно, как воде в твердый камень. Синтоизм совсем не религия, а глава древней Японской истории; предписывает уважение к предкам, что совсем не противно христианству. <...> Самое большое препятствие — косность и индифферентизм достаточных классов, им слишком хорошо на земле, чтобы думать о небе. В это состояние косности они пришли постепенно, перерывая свои старые религии, состоящие из человеческих измышлений, а ныне еще больше усыпляет их проповедь иностранных безверов, которых они видят и у себя в лице разных наемных профессоров, и за границей, во время своих путешествий. Потому-то и христианство принимают здесь исключительно люди, душа которых глубже затро-

нута и всколыхнута — трудами, скорбями и разными невзгодами мира сего. Кто у нас христиане? Наполовину люди интеллигентные, дворяне, но какие? Обедневшие от последних переворотов и трудом добывающие себе насущное пропитание, наполовину — еще более трудящийся народ — фермеры, ремесленники, небогатые купцы.

— Что, по-вашему, в настоящее время самое необходимое для Японии?

— Конечно, христианство, — даже и в политическом отношении, — для прочного существования Япон[ской] Империи. Ныне Япония лихорадочно бросилась в утилитаризм: нет сомнений, скоро она обогатится чрез торговлю, скоро сделается могучею чрез развитие флота и армии, но при этом, если не будет сдерживающей, всерегулирующей и на добро направляющей внутренней силы, — и богатство, и военная сила к ее же гибели послужат. Когда падали государства как Финикия, Карфаген, Греция, Рим и т. п.? Когда наружно взойшли на верх богатства и могущества, а внутри растлели от роскоши и вечных пророков. Итак, нужна и японскому народу узда против увеличения пороков с увеличением богатства и силы, и этою уздой ничто не может быть, кроме христианской веры.

— Что японцам больше всего нравится в христ[ианской] проповеди?

— Догматы. Нравств[енное] учение у них и свое хорошо; любовь к ближнему, например, под влиянием буддизма развита так, что вы не найдете бедного, которому бы в беде не помогли даже такие же бедняки, как он. Поэтому-то универсалисты, унитарии и т. п., являющиеся сюда по преимуществу только с своей этикой, никогда не будут иметь здесь успеха. Но о Боге Творце Вселенной, о Пресв[ятой] Троице, об Искупителе и проч., что может сообщить людям как непрелагаемую истину только Божеств[енное] Откровение, японец с интересом слушает и исполняет.

— Что, по-вашему, вредно для воспитывающегося юношества Японии?

— То, что воспитание совершенно безрелигиозное. Япония покрыта густой сетью школ всех родов, и школы, действительно, хороши во всех отношениях, кроме этого. Нравственности учат, но какая же нравственность без религиозной основы!

— Как думаете о будущем католичества в стране?

— Не думаю, что католичество прочно водворилось здесь. Ему нужно некоторое отсутствие света, чтобы беспрепятственно развиваться, а здесь нет: японцы слишком понятливы, чтобы принимать без размышления, что им говорят, а такие положения, как Папа непогрешим, Богородица не имела первородного греха и т. п., слишком шатки, чтобы выдержать испытание. Кроме того, японцы слишком патриотичны, чтобы признать над собою, кроме своего императора, еще другого, даже высшего, чем их собственный.

— Как вы объясните успехи вашей Миссии, столь заметно превосходящие успехи всех других? У вас два миссионера, у протестантов 600!..

— Дело не в людях, а в учении. Если японец, прежде чем принять христианство, основательно изучает его и сравнивает: в Католической миссии узнает католичество, в протестантской — протестантство, у нас наше учение, то он, сколько я знаю, всегда принимает Православие. <...> Что же это? Да то, что в Православии Христово учение хранится чистым и целым; мы ничего не прибавили к нему, как католики, ничего не убавили, как протестанты. Это отчего? Я вам сейчас объясню. Протестанты принимают одно письменное Слово Божие. Но скажите, почему вы называете Библию Словом Божиим?

— Во-первых, на основании исторических свидетельств, во-вторых, внутренним признанием, в-третьих, по ее действию на душу.

— Но история недостаточна, например, послание к Евреям написано Ап. Павлу, а история возражает против этого и т. д. Другие две причины сливаются в одну, и обе ослабевают тем, что тут всякий смотрит чрез свои очки (по-вашему, Слово Божие — под[обие] Текста и пр.). Значит, все Священное Писание у вас висит на воздухе, и всякий может повергнуть его на землю, — нет для него прочного основания. Но пусть оно принято, как Слово Божие, как вы понимаете это? Как кому угодно! Этим пониманием опять не ниспровергаете ли его с пьедестала в массу человеческих непрочных и неясных измышлений? Оттого и дроб-

ление. Ко мне иногда приходят протестанты, просят объяснить какое-либо место Свящ[енного] Писания. «Да у вас же есть свои учителя-миссионеры — их спросите», — говорю я им. Что они отвечают? — Мы у них спрашивали — говорят: понимай, как знаешь; но мне нужно знать подлинную Мысль Божию, а не мое личное мнение. <...> У нас не так, все светло и надежно, ясно и прочно — потому что мы кроме Свящ[енного] Писания принимаем еще Свящ[енное] Предание, а Свящ[енное] Предание — это живой, непрерывающийся голос... нашей Церкви со времен Христа и Его Апостолов доньше, который будет до скончания мира. На нем-то утверждается все в целом Св[ященное] Писание, оно же помогает нам безошибочно уразумевать смысл Св[ященного] Писания — ибо, если дитя не поймет чего в истине Отца, то самое надежное для него обратиться за пояснениями к Матери; Мать же наша — Церковь, в которой невидимо обитает по своему обетованию сам Христос, и т. д. <...>

9/21 Февраля 1897.

Воскресенье.

<...> Очень приятно было свидеться с Юсуповым, моим знакомым еще 1862 г., когда он был мичманом и собирал, между прочим, коллекцию монет, — чем и я в то время занимался; мы менялись с ним монетами, причем от него, как кругосветного плователя, перепало мне несравненно больше, чем обратно. После пожара 1865 г. расстроилась моя коллекция, и остаток я подарил какому-то... японцу...

13/25 Февраля 1897.

Четверг.

<...> А сколько писем и почтовых листков... из разных церквей с сожалениями по поводу недавней опасности для Семинарских зданий от пожара! Обычай вежливости, которому научил японцев Конфуций, — но которому следует сохраниться и в Христианской Церкви.

23 Февр[аля] / 7 Марта 1897.

Воскресенье. Заговенье пред Велик[им] Постом.

<...> Был потом в Посольстве, по приглашению Анны Эрастовны «проводить масленицу». За столом блины общие, потом отдельные: мне постные, всем мясные. Что за нелепость? И это, впрочем, везде и всегда, так что и странностью никому не кажется. Ужели у нас общество совсем уничтожило посты? Впрочем, не совсем; сегодня же кто-то спрашивает за столом Анну Эрастовну: «Вы будете постную неделю есть постное?» «Да, — отвечает она и, обращаясь ко мне: — Алексей Никол[аевич] (муж) любит постное». Утешила! Поэтому только и постное, а о настоящем посте, значит, и мысли нет! Ужели общество никогда не вернется к соблюдению Церк[овных] уставов? Но тогда плохо — не Церкви, а обществу, которое все больше и больше будет уклоняться от Церкви... ..куда? В ад! <...>

В 5^{1/2} ч[асов]. была Вечерня, потом Малое Повечерие, за которым, по обычаю, следовало общее прощание, пред чем я сказал несколько слов, закончив их поклоном до земли пред всеми с просьбой простить мои грехи.

28 Февр[аля] / 12 Марта 1897.

Пятница 1-й нед[ели] Вел[икого] Поста.

О[тец] Игнатий Мукояма пишет: Лука Касида, молодой врач... болен; тамошние ревнители буддизма, вместе с бонзами, пристали к нему, требуя возвращения в буддизм, собрали сумму денег для помощи ему и лаской и угрозами успели смутить бедного Луку, тем более, что он крещен был в детстве, потом учился в школах, чтобы сделаться врачом, и вероучение недостаточно знает. Дал согласие Лука бросить христианство; враги Христовой веры торжествовали: оповестили это всему селению, семейству же Луки строго заказали не иметь больше никакого отношения к катехизатору. Но мать и сестры Луки сильно скорбели от всего этого переполоха и не переставали сноситься в ночных свиданиях с катехизатором Василием Хирай, который ободрял их быть твердыми в вере. По их молитвам все наветы врагов обратились в ничто. Лука, дав обещание отречься от Христа, стал невыносимо этим мучиться — просил молиться за него, спрашивал, отпус-

тит ли Господь ему этот грех, и... в надежде на отпущение послал к о. Игнатию, просить его приехать, чтоб исповедать его. О[тец] Игнатий, прибывши, отпустил ему грех его слабости и приобщил его Св. Тайн.

Потом и в другой раз был у него вторично, приобщил его Св. Тайн. Соблюди, Господи, овца своего стада! Отец Луки, тоже врач, недавно умерший, был благочестивым человеком — я его помню, был в его доме. Должно быть, и его молитвами Лука удержался от гибели. — Пошлю Луке икону и письмо.

1/13 Марта 1897.

Суббота 1-й нед[ели] Великого Поста.

<...> Я сказал причастникам поучение, во время Причастна, — потом ушел домой — писать отчеты (собственно говоря, чтобы не видеть причащающихся сият[ельных] кандидатов, воспитанников русских Академий; учителей Семинарии, которых на службах во время недели я не видел, но которые тем не менее явились сегодня причащаться). Что с ними делать? Не знаю. Учить их — я учил, усовещивать — усовещивал, — что дальше? Запретить — не могу — не знаю их душевного состояния; притом же я и сам — довольно плохой молитвенник; на словах же и даже на бумаге они — самый завзятый православный народ: такие проповеди пишут и произносят о Посто и истинном покаянии... что любо слушать!

6/18 Марта 1897.

Четверг.

<...> Пришла благая мысль. Дай, Господи, ей осуществиться! Монастырь здесь нужен. О[тец] Сергей Страгородский писал о сем в своих письмах; я думал о том еще раньше, выписывая сюда с Афона неудачного о. Георгия. Если бы ныне вследствие моей просьбы, которая пойдет с отчетами, был прислан сюда добрый иеромонах, который бы сделался моим преемником, положим, через 10-15 лет, то я удалился бы в горы... и стал бы собирать желающих жизни монашеской — а такие нашлись бы, — и образовался бы мона-

стырь. Я в то же время имел бы возможность там продолжить перевод богослужения. — Пошли, Господи, достойного делателя на ниву Твою! О нем ныне моя... дума и всегдашняя молитва!

23 Марта / 4 Апреля 1897.

Воскресенье.

Пересматривая накопившиеся русские дух[овные] журналы, прочитал, между прочим, в «Православном Собеседнике» статью о студенческих миссионерских движениях в Америке, Англии, Германии, Франции. Статья заканчивается воззванием к русским студентам светским и духовным — последовать благому примеру. Но куда нашим! <...> Эх, больно, обидно за наше — ладно бы неразвитие, уже не непотребство ли? Не Богом ли мы брошены за наше обезьянство, неведение, огрубение, материализм, лицемерие и все, за что Бог казнит рабов непотребных? 27 лет я жду миссионера сюда, одного единственного хотя бы, и все еще жду!

10/22 Апреля 1897.

Великий Четверток.

<...> Я приготовил поучение и пошел по трезвону в церковь; возмутила при входе ученая корпорация — профессора Семинарии и другие учителя с ними: сидят себе на лавке, занимая всю ее, тогда как все в церкви стоят и слушают чтение часов; я сказал им встать и подойти ближе, чтобы яснее слышать чтение; встать встали, а подошли ли — не видал; отвращение берет следить за сими господами, у которых совершенно формальное, внешнее отношение к Таинствам Церкви.

13/25 Мая 1897.

Вторник.

<...> Сегодня Вас. Ром. Лебедев привез в подарок 3 разных перевода Нов[ого] Зав[ета] на китайском языке, один перевод Ветх[его] Завета, много христианских брошюр, изданных протестантами в Ханькоу, все в двух

экземплярах; привез еще 3 ящика чая. Я особенно обрадовался переводам Н[ового] Завета — все новые, у нас еще не бывшие; думал, то-то будет помощь нам с Накаем в переводе! Но какое разочарование! И как я озлился! <...> Ни стыда у людей, ни страха Божия! Слово Божие у них — точно мелочь для игры: перебрасывают фразы и слова, удлинняют, укорачивают, укорашают, безобразят, — просто не знаешь, что и думать о таких людях и таких переводах. <...> Розгами бы, или лучше бамбуками всех этих бездарных и безответственных тупиц!

15/27 Мая 1897.

Четверг.

<...> Много подарков из Иерусалима, от приснопамятного Патриарха Герасима и других:

1. Любвеобильное и благочестивое письмо на греческом языке с русским переводом. <...>

2. Старая икона греческого письма 3-х Святителей из собственной божницы Его Блаженства, — в благословение нашей Семинарии. <...>

5. Самая большая драгоценность и святыня: кусочек камня от Гроба Господня, вделанный в доску из купола Храма Воскресения; сам Патриарх и вделал святыню в доску. Но доска прислана благочестивой монахиней Митрофанией Богдановой, по просьбе которой Его Блаженство пожертвовал и камень. На доске написана в России старанием о. Сергия... икона Воскресения Христова. Будет храниться и чтиться здесь сия святыня в вечное благословение от Гроба Господня Японской Церкви.

6. Наконец, главное, чем Святейший Патриарх благословил Японскую церковь: Антиминс, освященный Его Блаженством на Гробе Господнем, с Его подписанием. <...> Назначена Патриархом сия святыня для нашего Храма Воскресения Христова, в котором и да сохранит ее Господь на многие столетия в память о любви к юной церкви Матери Церквей! <...>

От монахини Митрофании Богдановой:

1. Металлический ящик с 14-ю частицами Св. Мощей. Присланы Св. Мощи с благословения Патриарха.
2. Кусок Мамврийского дуба, две иконы с печатью и подписью Его Блаженства Патриарха Герасима. На куске написана в России по заказу о. Сергия икона Св. Троицы.
3. Доска для иконы от древнего купола, бывшего на Гробе Господнем, с врезанным камнем от Гроба Господня...

13/25 Июня 1897.

Пятница.

<...> О[тец] Метокси пишет из Таката, что Григория Катака, тамошнего катехизатора, застал имеющим школу англицкого языка из 18 учеников, надеется, что кое-кто чрез это привлечется и к христианству; избитая дорога всех протестантских миссионеров, противная проповедничеству православному; впрочем, хоть катехизатор занят, не развратится от безделья, — и то польза.

27 Июня / 9 Июля 1897.

Пятница.

В 9 часов утра начался выпускной акт в Женской школе. Всех ныне учениц 87, выпускных было 7. <...> Сущность моей речи: «Вас мало, — не смущайтесь, — скоро будет много. Народ — живой организм, — и дышит как и отдельный человек, и чем [нрзб], тем чаще; я здесь менее 40 лет, но 4 раза явственно видел вдыхание и выдыхание: сначала открытие Японии, потом стремление прогнать иностранцев, затем явное подражание всему иностранному, ныне: “Христианство не нужно — у нас своя религия, и мы особый народ, христианство-де вредно для Японии...” Но правда ли? В этих стенах в 25 лет слышали мы хоть слово непочтительное... бесполезное для Японии? Нет! Напротив, не будет ли вредно учение, что Император — Бог; учение это трудно обосновать — шатко оно. Иное дело, если сказать: “Бог велит: царя чтите, за

царя молитесь — несть власть, аще не от Бога”; этого никто не может поколебать, ибо это слова Всемогущего... Или: учение, что японцы не братья других народов, а что-то особенное... не опасно ли для японцев? Все подобное ложно и потому скоро рухнет, и хлынет после отлива прилив...»

12/24 Июля 1897.

Суббота.

<...> Эх, Господи! Людей хороших для службы Церкви совсем нет! Уже ли Антихрист проглотит эту страну? И Христос не найдет достаточно добрых людей, чтобы из-за них не позволить этого?

Безверие потоком заливают страну, и все лучшие люди Японии считают это эссенцией цивилизации и гордятся этим. Иностранцы же, кроме бедных миссионеров, которых иностранцы в глубине души, а иногда и явно считают париями, — способствуют сему антихристову просвещению Японии.

Темным и тяжелым свинцовым облаком висит над Японией... приговор иностранцев: «Не верь Христу, не верь Богу, — все это старо; Европа и Америка ликует и весело [нрзб], ибо человек — обезьяна, белиберда, вздор, нуль», — все это буквально и воспринято всею знатью, министрами, профессорами, губернаторами и т. д.

Впрочем, случаются иностранцы, способные удивить своим феноменальным идиотством при цивилизованной внешности даже обезьян. Таков полковник Олкот, обратившийся в Буддизм и даже сочинивший буддийский катехизис. <...>

15/27 Августа 1897.

**Пятница. Праздник Успения Пр[есвятой]
Бог[ородицы].**

Обычная праздничная служба с малым числом молящихся. Потом заботы по приготовлению здания Семинарии. Вечером опять служба.
<...>

Граф Муцу, бывший министром иностранных дел во время войны с Китаем... умер, и завтра будут хоронить его. В болезни любимое положение его было обращенное к дворцу Императора; когда пред самой смертью сказали ему, что Император прибыл (из Кёото) в Токио, Муцу усиливался сделать руками обращенное к Императору молитвенное движение; приводится это... в газетах как... похвала погибшему патриоту. Как это грустно! У лучших японских людей ни мысли о Боге, о душе, о загробной жизни. Что же теперь душа Муцу, излетевшая из тела? Какая ее участь? Душа она хорошая — зла у ней нет (за исключением глупости — очевидно, неменяемой — по части иностранной политики). Слепорожденная она в том мире — это несомненно; и ныне, вероятно... протирает глаза, но глаза эти уже не те, что были обращены к резиденции Императора, а глаза слепорожденной кошки. Но ужели ли навсегда? И кошка же прозревает. Ужели не прозреет Муцу и легионы ему подобных? Боже милосердый! Ты — Судия Праведный! ...правда и милость деется на Твоем Суде, и милость [нрзб]!

Ибо все — Твои дети, — и познавшие Тебя, и непознавшие, но все же сотворшие этот их чин по Твоему Закону, — а Любовь к Отечеству не черта ли из оногo?

16/28 Августа 1897.

Суббота.

После обедни освятил все иконы, уже поставленные в киоты и приготовленные к их помещению на приготовленных им местах во всех комнатах новой Семинарии, жилых, классных. <...> При сем еще печально убедился, что правое мое око отказывается больше служить; молитвы по славянскому служебнику не могу читать: темное облако застилает глаз; левый же дальнзоркий, тоже не могу видеть букв; кое-как отслужил освящение...

(Пишется сей вечер, — увы! В первый раз чрез очки и с благосклонной услугой левого глаза; правый же, кажется, подал в чистую. Что ж, спасибо ему и за то, что 61 год честно тянул ляжку. Спал-то и дремал тоже

много, и на дурное зазирал немало, но все ж и доброе нечто было в его службе, если уповать на милость Божию.)

19/31 Августа 1897. Вторник.

Произведен экзамен поступающих в Семинарию. 16 человек собралось только; из них четверо по экзамену очень плохи, четверо других, по освидетельствованию доктором, слабы здоровьем. Сколько же из сих 16-ти переплывет море семилетнего учебного плавания и достигнет того берега, откуда начинается путь служения Церкви? И из сих, если оные окажутся, сколько будет достаточных шествовать сим путем? О, Господи! Как в Японии все [нрзб] в материализме! Где те времена, когда на служение Церкви шло много людей и шли хорошие люди? И не старые ли языческие руководители Японии — синтоизм, конфуционизм, буддизм — давали те времена? А теперь Япония под влиянием новой цивилизации христианской Европы... точно свинец тянет долу и долу!

21 Августа / 2 Сент[ября] 1897.

Четверг.

<...> Сегодня день памяти Св. Архим[андрита] Авраамия Смоленского Чудотворца, в монастыре которого в Смоленске помещалась семинария (в которой и я грешный учился). Да будет покровителем, заступником и молитвенником Св. Авраамий и токийской Семинарии, и да изведет из нее многих делателей на ниву Христову в сей стране!

2/14 Сентября 1897. Вторник.

День дождливый, деньги из России все не идут, письма из церквей все однообразны и скучны, — расположение духа убийственное! Впрочем, занятия переводом идут своим чередом.

19/31 Декабря 1897.

Пятница.

Георгий Абе, катехизатор в Оотаваре, пишет, что он открыл средство построить со временем церковь в своем приходе. Какое же? Пусть христиане посадят у себя на этот конец кто сколько может отводков дерева «кири» (павлонии). Растет она скоро, когда вырастет — срубить и продать, — деньги! От пня бывают побеги, вырастут они в деревья — срубить и продать, — опять деньги! И т. д. Несколько христиан уже и согласились с ним, и посадили кто два, кто три отводка. Когда же церковь-то выстроится? Недаром Абе, будучи прежде богатым земледельцем, разорился на проэктах и предприятиях. Впрочем, я послал его письмо в «Сейкё-Симпо».

20 Декабря 1897 / 1 Января 1898.

Суббота.

В 8 час[ов] началась Литургия, отслуженная 3-мя иереями с о. Романом во главе (о. Павел Сато болен). На молебен выходил и я. По левую руку от кафедры всегда стояли два ряда маленьких учениц <...> вышедши на кафедру, я удивился, что нет ни одной. Не захворали ли? — встревожился я; но сейчас же догадался, что ушли петь в хоре как певчие уже, к чему и готовились; только и там их ни одной не было видно — точно козявки попрятались в щелях, — так они еще малы!

24 Декабря 1897 / 5 Января 1898.

Среда. Рождественский Сочельник.

<...> Из церкви зашел ко мне Иоанн Ооцуки, христианин из Такасимадзу, бывший когда-то причетник и катехизатор, но по болезни головы оставивший службу. <...> Говорил он, что собираются христиане Такасимадзу просить для себя священника... и что наметили будто бы Андрея Сасагава для сего сана. Он ныне врач.

— Можно ли совместить в одном лице эти две должности — священника и лекаря? — спрашивает Ооцуки.

— Если считать эти должности равно обязательными, то никак нет. К кому пошел бы священник и лекарь, если бы к нему пришли разом просить — один окрестить младенца, другой помочь больному? Что стал бы делать священник и лекарь, если бы он пришел в храм совершать литургию и тут же за ним пришли звать его к больному...? Хорошо священнику знать и медицину; и он, будучи врачом душевным, может тогда быть и телесным, но это в исключительных случаях, где нет врача, или где трудно добыть его, или при внезапных несчастных случаях... ..и все это — после исполнения обязанностей врача духовного и поколику не мешает сему исполнению. Касательно же Андрея Сасагава есть и другое препятствие. Он служил когда-то катехизатором; потом оставил эту службу без всяких уважительных причин, кроме: «не хочу». Пусть бы у человека были какие-либо... препятствия, напр[имер] семейные обстоятельства, головная или иная боль и т. п. Ничего подобного! Сколько я ни уговаривал его... следовать брату — Петру, который тогда уже был священником, — «Не хочу!» — и больше никаких резонов. <...> Изучил лекарское искусство, ныне врач и порядочный христианин, и Слава Богу! Пусть и будет сим до конца. Избирать же его священником опасно. Что, как он, прослуживши и священником год-два, опять скажет «не хочу»? Тогда будет нехорошо уже не для него одного, а и для церкви: скомпрометирует он ее немало. Итак... пожалуйста, в священники не намечайте, а ищите кого понадежнее.

25 Декабря 1897 / 6 Января 1898.

Праздник Рождества Христова.

Четверг.

Пасмурный день по наружности и пасмурно начался на душе: встал с сильною головной болью от чада из печки ночью (уголь вывалился). Вначале обедни христиан почти никого; но тут уже праздничное настроение возобладало — пред мысленными очами восстало будущее Яп[онской] Церкви, обильной христианами, — и я начал славословить Господа под чтение Часов. Мало-помалу набралось и христиан, так что к концу Обедни была почти полная церковь. Благодарение Господу за это!

Все же христиане не вполне покинуты благодатью Божией и раз-два в году отверзают дверь сердца толкующему в нее Господу. <...>

16/28 Апреля 1898.

Четверг.

Утром обычное дело исправления перевода Н[ового] З[авета] Дошли до слова «дух», труднейшее из слов во всем Н[овом] З[авете], и не знаешь, что делать; употреблять ли старое, давно вышедшее из употребления начертание «син», которого нельзя найти ни в каких лексиконах, кроме «Коокидзисен» [?], как советует Исаяя Мидзусима, но это значило бы посадить мумию среди живых; сочинить ли новый иероглиф, как тоже советует Мидзусима, если старое не будет принято, но это значило бы посадить самодвижную куклу среди живых. Кажется, самое лучшее употребить [нрзб], но с кружком, который бы обозначал, что разумеется «дух» (син), а не Бог (ками).

26 Апр[еля] / 8 Мая 1898.

Воскресенье.

<...> О[тец] Петр Кавано пишет: в Накацу теперь слушает наше учение бывший протестант[ский] христианин — методист, бросивший христианство и сделавшийся буддистом и бонзою, бросивший сие звание и поступивший в юридическую школу, провалившийся здесь на экзамене и ныне изучающий православие с целью, кажется, сделаться катехизатором. <...> Отец П. Кавано спрашивает: можно ли ему сие? Отвечаю: ни в каком случае! И в Церковь он может быть принят не иначе, как по двухлетнем испытании его искренности.

21 Мая / 2 Июня 1898.

Четверг.

Протестантская миссионерка Престон... пишет: «так как употребление в причащении вина может порождать у причащающихся склонность к пьянству, то нужно причащать виноградным соком», и пред-

лагает покупать оный по 30 коп. бутылка. [Нрзб], доведенный до нелепости и кощунства. Напоминает того благочестивого пастыря, который предлагал совершать евхаристию на чае, так как, де, если бы И[исус] Хр[истос] явился в Китае, он непременно установил бы причащение на чае. <...>

2/14 Июня 1898.

Вторник.

Утром, за переводом, Павел Накаи, опечалась, рассказал, что здесь, в приходе Канда, прилегающем к Миссии, один бедный христианин, 80-летний старик, от неимения чем жить бросился в реку, вытащен был, но после того все-таки исчез, и месяца два о нем ни слуху ни духу; вероятно, опять бросился в воду и погиб. Ни о. Павел... ни катехизатор Симеон... не заботятся о своем приходе до такой степени! Мать П. Накаи посетила это семейство, живущее в крайней бедности, и рассказала о горе. И меня совесть сильно корит за недосмотр!

9/21 Июня 1898.

**Вторник. На пути
из Хакодате в Тоокёо.**

<...> В 3 часа ночи, когда я спал в вагоне, вдруг просыпаюсь в Ициносеки от возгласа у окна остановившегося поезда: «Здесь! Здесь!» Отворил дверь, вижу человек 20 христиан и христианок с катехизатором Василием Усуи во главе. Это они ночь не спали, чтобы дожидаться поезда и принять еписк[опское] благословение! Меня истинно тронуло это усердие. <...>

30 Июля / 11 Августа 1898.

Четверг. Немуро.

Утром о. Игнатий Като сообщил сведения о настоящем числе христиан на о[строве] Сикотане: мужчин 16, женщин 24, детей муж[ского] пола (добрачного возраста) 9, женского 13, всего 62 человека

в 16 домах. Купил я для них подарков: кадку сахара — белого песка, 16 фунтов зеленого чая, 2 фунта китайского чая, 30 пачек табаку, 3 дюжины платков, 1 штуку ситца в 24 ярда, 5 сортов цветных ниток... Подарки приготовлены, чтобы завтра взять на пароход.

После обеда в 3 часа сходили на кладбище, чтобы отслужить литию по нашим покойникам, которых там человек 20. Есть несколько протестантских могил и одна католическая. Между первыми могила миссионера Карпентера, умершего здесь в 1887 г.; на ней значится, что он трудился 23 года для индийцев (аборигенов в Бирме) и 1 год для айнов и японцев. Жена его живет в Немуро и ждет времени лечь здесь рядом с мужем — замечательно хранит верность мужу.

31 Июля / 12 Августа 1898.

Пятница. Немуро.

Вчера, возвращаясь с кладбища, мы зашли к Mrs Carpenter, но не застали ее дома. Сегодня утром она сделала ответный визит. Интересная старушка, преданная Богу и памяти своего мужа. <...>

1/13 Августа 1898.

Суббота. Немуро. Сикотан.

<...> В 5 часов вечера были у острова Сикотан, в заливе, где поселение наших христиан-курильцев. Прежде всего бросается в глаза здание церкви, небольшой, но имеющей вид настоящего церк[овного] здания. По берегу видны были люди, бегущие к стоявшей вдали от деревни шаланде. Заходящее солнце обливало мягким светом мирную картину деревеньки, видимо бедной. Долго мы ждали, пока подойдет шаланда, гребцами в которой оказались молодые женщины с несколькими мужчинами. На наши вопросы все назвали себя христианскими именами, весьма чисто произнесенными, но никто не мог говорить по-русски: знали, наверное, только по несколько слов. Быстро свезли нас на берег, где мы прежде всего пошли в церковь и нашли ее очень чистенькою; пол деревянный, без циновок, чис-

то вымытый; алтарь на возвышении и задергивается занавеской, икон достаточно, священническое облачение есть, на престоле славянское Евангелие; все — присланное из Миссии. <...> Пока светло, пошли посмотреть дома христиан. Всех — двенадцать посетили; один был заперт на замок за отсутствием жителей, еще две семьи живут совместно с другими. <...> Половина домов дощатые, другая половина из соломы и тростника. У всех очаги в передней комнате, кровать во второй, спальные принадлежности плохие и грязные. Дома вообще изобличают убогое бедное существование. <...> У старухи Степаниды — вдовы, трудолюбивой и искусной огородницы — по обе стороны дома отличный огород картофеля. На лугу, за домами, паслись 10 коров. В домах везде мы нашли иконы, но закопченные, нужно прислать им новые, на досках.

Когда стало темнеть, мы все собрались в церкви. Виссарион стал звонить в небольшой колокол, привешенный над входом, и звонил, пока приготовлено было все к началу богослужения. <...> После Вечери я в епитрахили и малом омофоре сказал небольшое поучение и оделил все дома иконками... На отсутствовавших также даны были, а их оказалось 17 человек, отлучившихся на рыбные ловли. <...> Кончивши все в церкви, мы пошли в дом Якова Сторожева, где были два тюка с вышеперечисленными подарками, и передали их... сказав раздать беспристрастно, что они и сделают, ибо живут весьма дружно, и всякий делится всем со всеми, точно первобытные христиане. Тут же мы с о. Сергием получили от многих подарки — их изделия — разных форм коробки, сплетенные весьма крепко и искусно из соломы; дали им окончательное благословение и простились с ними. <...> Они проводили нас до шаланды, в весла которой сели, по-прежнему, девицы и молодые люди, первые в своих платьях, в которых были в церкви, не успев переодеть их. С напевом — сначала альтами, потом дискантами, мелодично грустным и с видимым одушевлением и усердием, они скоро доставили нас на пароход и здесь еще раз простились и приняли благословенье. Грустно мы расстались с ними. Добрый отросток это знаменитой

церкви Иннокентия, славного нашего миссионера. Куда нашим христианам равняться с ними! С коих пор они разлучены с наставниками и со всем христианским миром, и до сих пор какие превосходные христиане! Ни воровства между ними, ни лжи, ни обманов, ни вражды, а правда, честность, любовь, смирение и проч[ие] христианские добродетели. Бедно и невзрачно одеты в доме и на своих делах, а в церковь все идут чисто и в лучшие свои платья одетыми, и идут все до единого, и стар и млад, так что в домах никого не остается во всей деревне. Быть может, им позволят переселиться на прежнем их месте, на Парамушире, тогда, Бог даст, они сохранятся от вымирания; ...если останутся, вероятно, не долго будет существовать их деревня, уже больше половины по переходу сюда умерло, от недостатка той пищи, которую они имели на Парамушире.

3/15 Августа 1898.

Понедельник.

Рубецу и на пути в Немуро.

Утро было светлое; мы с парохода любовались селениями и их окружающими землями. Здесь, кажется, было место подвигов наших вбаломошных лейтенантов Хвостова и Давыдова, за каковые подвиги заплатил своими страданиями в плену Головнин с товарищами.

В 9 часов снялись и шли целый день в виду берегов Итурупа и Кунашира.

15/27 Августа 1898.

Суббота. Успение

Пресвятой Богородицы.

Ровно 18 лет, как в последний раз служил с Высокопр[еосвященным] Исидором в Петербурге, после чего простился с ним и отправился на вокзал для следования сюда. Когда прощались, я упомянул, что «Бог даст мне еще увидеться с ним», он отверг: «Нет, где же? А услышите, отслужите панихидку». Да молит его душа, столь участливая к Японской Миссии, чтоб Господь поскорее просветил сию страну светом Евангелия!

За Литургией было так много христиан, что о. Андроник удивился. «Праздник Богородицы чтут так же, как в России». Между прочим, был один патер; сначала стоял в дверях, потом с д-ром Кёбером в правом крыле церкви и проявил себя очень скверно... ни на каждение, ни на благословение не преклонял хоть бы мало главу, а стоял совершенно истуканом; наш бы, православный, непременно отдал [нрзб] католическому епископу; ведь таинство епископства взаимно нами признается и уважается. Но в этом-то и выражается, что католичество — яд мира и что ему предстоит то же, что было с ересью Ария, т. е. исчезновение из мира. Протестанство не менее — ...гностицизм, отливающий всеми цветами красивой ящерицы, и его участь та же. Будущее чревато еще какими-то превращениями и извращениями до Антихриста включительно, — но всех удел — погибель. Только нашему Христову учению суждена несокрушимость.

16/28 Августа 1898.

Воскресенье.

<...> Катехизатор в Мидзусавва Иоанн Симовара пишет про толки языческих родственников и дворни княгини Анны Русу [?], будто смерть ее здесь, в госпитале, куда она приведена была для лечения от чахотки, ускорена была предложением о. Павла Савабе исповедаться и причаститься. Злостные толки, которыми они стараются отчасти оправдать языческое погребение Анны. Но Господь примет ее душу, не по погребению, а по вере.

2/14 Сентября 1898.

Среда.

О[тец] Андроник пишет тревожное письмо из Оосака: «болеет, скучает по России, сомневается, была ли воля Божия на его приезд в Японию; закрадывается мысль об отъезде». Избави Бог! Вероятно, не освоился еще со здешним климатом, да и диавол подбивает.

5/17 Октября 1898.

Понедельник.

Японский праздник осенней жатвы; классов не было; день превосходный, теплый, солнечный...

Я справлял корреспонденцию; между прочим написал благодарств[енное] письмо Георгию Конст. Властову, автору Свящ[енной] Летописи, приславшему недавно в подарок первую книгу толкований на пророка Исайю и очень лестное письмо; послал ему и две книжечки перевода на яп[онский] язык его толкования на кн. Бытия.

13/25 Октября 1898.

Вторник.

Учитель гимнастики Курата Павел приходил принять благословение; на днях крестился в церкви Коодзимауи [?], наставленный в учении катехизатором Николаем... говорит, что чувствует себя вполне счастливым, и это видно по его лицу и всем его речам. Это радостное, просветленное состояние духа — обычное явление у всех новых христиан по принятии крещения; не явное ли это чудо благодати Божией? Не то же ли, что у нашего Св. Кн. ...Владимира: «теперь-то я [увидел] Бога истинного»? Жаль, что потом часто это праздничное состояние души скоро проходит.

18 Октября / 9 Ноября 1898.

Среда.

<...> До сих пор у нас с Накаем при переводе возникают грамматические споры. Странное явление, и нигде нет его как здесь: Накай считается одним из очень ученых людей, но не установлен в принципах своей грамматики, да так, что постоянно у нас меняются правила: что считалось правильным год, даже полгода тому назад, потом херится и изгоняется как неправильное. Почему?

— Грамматика так велит.

— Отчего же она давеча это не велела?

Накай молча улыбается или супится на это.

Я должен перечитать накопившиеся в последние два десятилетия японские новосочиненные грамматики, что и начал сегодня.

25 Окт[ября] / 6 Ноября 1898.

Воскресенье.

<...> Mr Jefferys не упустил случая польстить:

— Я думаю, что Япония будет православной.

— Почему же вы так думаете?

— Потому что японцы — большие патриоты, а у православных портрет императора всегда следует за иконой Спасителя и Богородицы.

— Огляните мою комнату, — где же портрет императора? И т. д.

Я удивился, что даже Jefferys... и тот безнадежно заражен предрасудком о нашей царелатрии [?].

10/22 Декабря 1898.

Четверг.

<...> О[тец] Архим[андрит] Сергей принес для прочтения письмо Епископа Антония (Храповицкого), ректора Казанской Дух[овной] Академии, в котором изложено завещание ему недавно умершего епископа Михаила (Грибановского). Главная мысль в завещании: «установить церковь на канонических началах». Но теперь Церковь разве сдвинута с них? Если да, то как остается православною? Нет, твердо стоит она, непобедима даже и для «адских врат». — Разумеют эти... мечтатели и пессимисты, вероятно, возврат к патриаршеству. Но это невозможно и не нужно. Будто патриаршество — канонизм? Но его не было при Апостолах и в первые века. Явилось оно как необходимое, но не как неперменное, — иначе не позволили бы Восточные Патриархи учреждения у нас Св. Синода. И Синод был, действительно, своевременно учрежден. Одного лица было недостаточно для управления всею Церковью. Не сошлются ли на Папу? Но там не Папа управляет, а целая система; попробовал бы Папа не

подчиниться этой системе, он бы тотчас и в Папах не оказался. У нас при царе Алексее и Николае разве система была? И Никон разве хорош был? В отношении к царю он, наверное, и м[ожет] б[ыть] оправдан, хоть с натяжками, в отношении же к Церкви никак. И разве желательно повторение подобного самодурства, соединенного с расстройством Церкви? Потому Петр был мудр, позаботившись об уничтожении единоначалия в общем управлении всей Церкви. — Но ныне пришло время продолжить преобразования в церковном управлении, нисколько не нарушая канонов. Как? Господь знает как! Но нынешнего Синода недостаточно для доброго управления Церкви — это очевидно. Истинная христ[ианская] церковь должна радеть о просвещении язычников христианством, но кто же в Синоде озабочен этим? Никто, и идет это дело плохо. Правосл[авная] Церковь должна простереть руку к тянущимся к ней старокаатоликам и лучшей части протестанства, но кто же хочет этого? Один генерал (Киреев) [?]. Церковь должна усилить учительство в виду удушающего невежества и суеверия народа — но Дух[овной] Учебной Комиссии разве достаточно для этого? Итак, что же делать? По-моему, собрать собор всех правосл[авных] Российских епископов и определить на нем:

1. Синод сделать состоящим не из переменных епископов, а из постоянных членов. Куда епископам епархий заседать в Синоде, когда у них целый воз собственных дел? Оттого и епархии терпят от недосмотра и вся церковь от недогляда. Не смущаться тем, что епископы — члены Синода не будут именоваться по епархиям, которых у них не будет. <...>

2. Епископы, члены Синода, д[олжны] б[ыть] избраны всею церковью, и д[олжны] б[ыть] избраны для сего мудрейшие между ними, заметные как путные администраторы. Цвет ума, сил... должен стать во главе Церкви. Царь, разумеется, на это с радостью пойдет — нужно только разумно представить ему это. Какой же у нас царь был против Церкви или не позволил что доброе в Церкви?

3. Прилично быть столичному Митрополиту председателем Синода, но тогда у него должны быть три викария для ведения епархиальных дел, чтоб от занятий его Синод[альными] делами не было ущерба его епархии.

4. Общее заседание всех членов Синода для вершения особенно важных дел должно быть в определенные дни,

Но [пункт] 5. 12 членов Синода д[олжны] б[ыть] разделены по крайней мере на четыре части: (1) Три человека для ведения текущих дел Русской Церкви. (2) Три — для ведения миссионерства внутреннего — среди раскольников, инославных, буддистов и магометан в пределах России. (3) Три для управления миссионерства заграничного — среди католиков, старокатоликов и протестантов в Европе и Америке и язычников в Азии и проч. (4) Три для ведения просветительной части среди православных (того, чем теперь заведует Дух[овное] Учебн[ое] Управление). Должны быть четыре присутств[енных] места и канцелярии, с нужным только числом чиновников. <...> Хотя бы в этом роде. Против канонов — ничего, а улучшение было бы значительное.

***21 Декабря 1898 / 2 Января 1899.
Понедельник.***

После обедни сделал визиты: амер[иканскому] епископу McKim'у, амер[иканскому] епископ[альному] миссионеру Gardner'у, дочка которого приводила потом к епископу Шершевскому. Сей последний — замечательная личность. Родом — русский еврей, из Литвы; 22-х лет в 1852 году эмигрировал из России, сделался протестантом, миссионером, епископом в Китае; хорошо там потрудился; перевел Библию на мандаринский китайский язык, экземпляр которой и мне подарил еще в 1875 г., когда посетил меня здесь, на Суругадае. Солнечный удар в Китае сделал его паралитиком, но он не потерял духа; живя в Америке, перевел вновь Новый Завет на китайский язык; для отпечатания его прибыл в Токио и Новый Завет напечатал; экземпляр его прислан ко мне, и мы с Накаем постоянно, при нужде, справляемся с ним; это действительно лучший из переводов Нового Завета! Ныне трудится над изданием Ветхого Завета, который переведен им с еврейского. <...> Сидит в кресле,

руками владеет не свободно, языком тоже, хотя можно понять все, что он говорит. Наружностью похож на раввина, сед, весьма почтенен, с окладистой бородой. Перевод пишет посредством пишущей машины. <...> Переписчики потом начертывают кит[айскими] письменами; удивительно хорошо знает кит[айский] язык, если правда, что в Америке у него помощников из китайцев не было, а сам он один делал свой перевод. <...> Обрадовался моему искреннему участию в его деле; показывал все свои рукописи. Да поможет Господь старцу окончить его издание Ветх[ого] Завета!

23 Декабря 1899 / 4 Января 1899.

Среда.

Между сегодняшними посетителями был, как значится на карточке: The Rev. Charles F. Sweet, professor of Dogmatic Theology in Trinity Divinity School, Tsukiji. <...> Начался обычный пустой... разговор, перешедший мало-помалу в серьезный.

— Вы, епископалы (говорю я), находите и в нашей церкви будто бы повреждение и такие пункты учения, которые, по-вашему, следовало бы отбросить. Но что же? — скажите. Ни единым догматом, ни единой чертой в догмате мы не можем поступиться, так как все, что мы сохраним до йоты, — Божие учение, Божий смысл и внушение, данные роду человеческому для спасения. На второстепенных же предметах в области религии, на некоторых обычаях и обрядах мы не настаиваем. Вы можете... употреблять при богослужении орган и проч. Но в главном, в догматах, вы должны восполнить то, что утратили, не мы бросить то, что крепко держим, — иначе мы никогда не можем соединиться.

— Что восполнить? — спрашивает.

— Возьмите, для примера, хоть учение о Таинствах. У нас 7 Таинств, у вас 2. <...> У вас принято учить, что и у вас 7 Таинств — только 2 более важные, а остальные 5 не столь важны. Какая путаница в понятиях! Вы благодать Божию точно воду стаканами хотите распределять: туда мы боль-

шой стакан, сюда — малый. Не то у нас: совершенно ясное и определенное понятие: благодать, сообщаемая чрез таинства, — единая неделимая непосредственная сила... Божия, непременно ниспосылаемая и действующая, — только у недостаточных к осуждению их («и суд себе яст и пьет, не рассуждая Тела Господня...»), а у достойных к спасению их и чрез них других. В этом смысле Таинство резко отличается от обряда. У нас на Крещение будет водоосвящение; с верою пьющий воду может исцелиться от болезни... неверующий же не получит никакой благодати от воды, она и не будет даруема пьющему св[ятую] воду как простую. В Таинстве же благодать непременно присутствует и даруется, почему и осуждение изречено пренебрегающему сим даром, — итак, восполните учение о семи Таинствах.

— И у нас благодать сообщается во всех 7 Таинствах, однако крещение и евхаристию мы называем более важными потому, что они всем нужны для спасения, тогда как прочие таинства не всеобщи.

— Таинство священства вы называете не всеобщим, стало быть, не столь важным; но без священства разве может быть совершаема евхаристия? Не в основании ли оно самых всеобщих и, стало быть, не самое важное? И т. д. Разговор длился более часа. В продолжение его Свит... стал утирать слезы, причем говорил:

— Скажи мне православный священник или епископ, что я не имею благодати священства, я завтра же приду к вам и попрошу принять меня. Один из моих друзей в Америке ушел в католичество, но я удержался именно потому, что твердо убежден, что я настоящий священник; потеряй я это убеждение, я сейчас же перейду к вам.

Я удержался обратить к нему прямой зов. Если Богу угодно, благодать призовет его. Приди он завтра и скажи: примите меня в лоно вашей Церкви, конечно, я тотчас же сделаю это. Но воспользоваться тем, что человек расчувствовался, и тотчас накинуть на него сеть — как-то уж слишком по-католически, — претит душе. <...>

Но как же ужасно и как тяжело д[олжно] б[ыть] состояние душевное преподавать догматы без твердой уверенности в истинности, даже в

ясности их! П[отому] ч[то] сегодня, как не изворачивался Mr. Sweet, а изъяснялся весьма туманно и запутанно. То ли дело Свет Православия, как радостно быть православным миссионером!

11/23 Января 1899.

Понедельник.

<...> Не могу ли я пожаловаться когда моему дневнику? Больше кому же? Чувствуешь себя иногда очень разобранным, как дом [?] разобран и раскидан на части. Что может быть несчастнее такого состояния... Вот в таком я ныне; и раза три-четыре ежегодно бывает такое. Отчего? Нападение ли искушителя? Собственное ли утомление? Или неободряющие обстоятельства? Возможно, все вместе. Враг нашего спасения разве дремлет? [Нрзб] однообразием разве нельзя утомиться? А ободряющее где же? <...> И при всем этом — вечное одиночество! Кремень о сталь дает искру; где же моя сталь? <...> Даст ли мне Господь хоть пред смертью видеть здесь сотрудника себе? Или погибнет дело Миссии и с ним моя душа, как бесполезно прошедшая поприще жизни? <...>

13/25 Января 1899.

Среда.

Утром вид из окон был совсем русский: все покрыто обильным снегом; безветрие позволило снегу держаться на всех ветвях и на всем, куда он падал, что придавало особую прелесть виду. <...>

10/22 Марта 1899.

Среда 2-й нед[ели] Вел[икого] Поста.

Разность в чтениях славянского и русского текстов Притчей принудила сегодня натащить из библиотеки все, что можно было добыть о Притчах по части толкования. До сих пор не решил, чему следовать — греческому или Вульгате, беру пока лучшее из того и другого: для церковного чтения это и нужно.

4/16 Апреля 1899.

Воскресенье 6-й недели Вел[икого] Поста.

Господь разрешил, наконец, свою рабу Анну от тленных уз: сегодня пополудни в 3 часа она скончалась. По-видимому, до последних минут сохраняла сознание, хотя едва могла выражать это. Когда зазвонили к обедне, правая рука ее силилась подняться для крестного знамения; когда в 1-м часу о. Павел Сато пришел читать отходную и ей сказали о том, она слабым наклоном головы ответила. Спаси ее, Господи! Достойна она милости Божией! Более 20-ти лет трудилась для женской школы; любила девочек и заботилась о них, как родная мать. <...>

14/26 Апр[еля] 1899.

Великая Среда.

<...> На Богослужении читают теперь Евангелие по последнему исправлению. И плохой же перевод! Сколько еще нужно исправлять! Во многом, кажется, придется вернуться к старому, напри[м]ер, «любяй душу свою» у нас так и переведено... ..а прежде было... «жизнь», и, кажется, так и нужно; держаться слишком узкого буквализма тоже ошибка; ведь по-гречески *психе* значит не единственно душу. <...>

21 Мая / 2 Июня 1899.

<...> Профессор Кёбер принес бывшие у него в чтении правосл[авные] книги и возвестил, что совсем решился перейти в католичество. Психологический феномен — замечательный. Говорит и повторяет, что не имеет ровно ничего против православия, не может опровергнуть ни одного возражения против нелепостей католичества, и при всем том идет туда; говорит «тянет его туда».

— Да как же вы с завязанными глазами бросаетесь в пропасть? Ведь вы будете отвечать на Суде Божьем; самое первое в человеке — разум, он — светоч на пути нам; в религиозном деле он один недостаточен, — так вот вам Слово Божие — непогрешимый руководитель. И вы против того и дру-

гого! Слово Божие говорит: «от Отца исходящего», Папа поправляет Бога и говорит: «и от Сына»; вы Бога бросаете, переходите к Папе; Бог учит: «пийте от нея вси»; Папа: «нет, не вси, а только духовные»; вы — тоже; Бог дает языки Апостолам, чтоб всякий народ на своем языке слышал Слово Божие; Папа возмущается против этого, отбирает Богом дарованное право у народов, — «пусть-де на одном латинском слышат»; вы на стороне Папы, против Бога; Спаситель совершил вечерю на $\alpha\rho\tau\omicron\varsigma^{'\epsilon^*}$; Папа говорит: «довольно и $\alpha\zeta\upsilon\rho\omicron\varsigma^{'\alpha^*}$ »; Спаситель собственным примером указал нам образ крещения через погружение; Папа учит — довольно покропить водой; и везде вы с Папой, против Бога, — разумно ли это? Богоугодно ли это? И т. д. и т. д.

Ничего не может опровергнуть, ни против чего возразить, одно твердит: «влечет меня туда и иду», точь-в-точь как юноша, влекомый плотию в непотребный дом; разум говорит ему: «скверно и грешно, и опасно — погибнешь», но он все-таки идет и гибнет. И подобен сему слабому юноше — наш философ Рафаил Густав. Кёбер! Извинением для себя выставляет то, что жил за границей, 30 лет молился в католич[еском] костеле, привык-де. Потому и пьяница, привычный к вину, может не бросать его, — привык-де. Прискорбно! Но нечего делать! Насильно мил не будешь. Пусть тащится из света в полутьму. Три года я серьезно и подолгу говорил с ним и убеждал его, не говоря уже о разных мимолетных разговорах о том же. Итак, я чист от крови брата сего, совесть меня не укоряет ни в чем относительно его ренегатства.

31 Июля / 12 Августа 1899.

Суббота.

Катехизатор Яков Ивата прислал свой литературный труд: цифровой словарь священных слов и предметов: напр[имер], на цифру «один» — «один Бог», и указание на текст Свящ[енного] Писания, где можно видеть это; «одно лицо в И[исусе] Христе» в «Осиено Кагами», «одна Церковь» — там же; на цифру «два» — «два естества И[суса] Христа» — «Осиено Кагами» (Правосл[авное] Исповедание Св[ятителя] Дм. Рост[овского]), «две воли» — там же; на цифру «три» —

«три лица в Боге» — текст; на цифру «семь» — «семь таинств» — «Осиено Кагами», «семь Вселен[ских] Соборов» — тоже и т. д.; увесистая тетрадь, для религиозно-нравственного научения мало полезная, но в японском духе, которому нравятся подобные игры в цифры или что-либо подобное, сухое и формальное. К напечатанию на церк[овный] счет отказано, и тетрадь препровождена обратно с похвалою трудолюбию и советом поискать издателя на стороне. Впрочем, издания от церкви тетрадь не заслуживает и по своей нецерковности: разве основанием учения об «одном лице в И[исусе] Хр[исте]», «двух естествах Его», «семи таинствах» и т. п. служит «Осиено Кагами»? И можно ли подряд по авторитетности ставить Св[ященное] П[исание] и Ос[иено] Каг[ами]? Но если найдется охотник печатать, что ж, пусть печатает, все же несколько христианских понятий перепадет на долю лиц, которым книжка попадет в руки.

23 Августа / 4 Сент[ября] 1899. Понедельник.

В школе начались обычные занятия. Мы с П. Накаем принялись за дело перевода Н[ового] Завета. Сегодня закончили проверку слов по 1-му тому Лексикона Гильтебрандта и принялись за второй с буквы «П».

6/18 Сентября 1899.

Вторник.

<...> Прочел записку барона Розена. Замечательно умная... ясно доказал, что нам ссориться с Японией из-за Кореи нельзя — иначе Япония, соединившись с Англией, раскачает [?] нас здесь, так как наш флот соединенным двум флотам противостоять не может, в соединении же с японским наш флот всегда может грозить здесь Англии.

16/28 Ноября 1899.

Вторник.

Вечерним занятием сегодня кончен пересмотр слов Нового Завета по Симфонии Гильтебрандта. Теперь некоторые важные слова надо вновь

пересмотреть, потом со специалистом по грамматике проверить правильность перевода в грамматическом отношении, потом и печатать; вероятно, в будущем году Бог поможет сделать это.

18/30 Ноября 1899.

Четверг.

Расчеты; ...трудность перевода таких слов, как душа, дух с его различными смыслами.

31 Декабря 1899 / 12 Января 1900.

Пятница.

<...> Серо, буднично, как-то совсем не радостно наступает год, да еще завершающий собою 19 столетие! Вероятно, принесет обычную сутолоку — вечное корпение над переводом, вечную жажду чего-нибудь доброго в Церкви, вечное томление, что нет ничего такого, — все и всегда так вяло, — служащие неусердны (и сам же первый по всему этому), язычники к проповеди глухи... Впрочем, то же, что выше: переделать все это так, как мне хотелось бы, не по нашим силам. Итак, да будет воля Божия! <...> Бодро вперед!

5/18 Апреля 1900.

Великая Среда.

Обычные церк[овные] службы, ведущиеся правильно и истово. Но мучил сегодня своим вялым служением и особенно безобразным чтением Евангелий о. Петр... уж хуже читать и невообразимо: убивает всякое внимание и чувство. А как его научить читать лучше? Ведь говорил ему много раз — безобразно; поди искорени многолетнюю привычку. <...> И грустно думалось: бредет-то к нам народ все больше ленивый, кто поживее и поумнее и не думает заглянуть к нам — идут на другие службы. Впрочем, и в России не то же ли? Не уходят ли и там все лучшие силы в политику, разные министерства, [нрзб], оставив духовенству лишь нижний слой? Оттого и духовенство у нас плохо, духовная литература мелоч-

на, духовенство... такое, что до сих пор в 30 лет ни одного доброго миссионера не выслало сюда Отечество. <...> Э-эх, грусть-тоска глубокая!

9/22 Апреля 1900.

Пасха.

Обычное великолепное, высоко душу настраивающее Богослужение. Было тихо, но пасмурно, и чуть-чуть накрапывало, когда был крестный ход вокруг собора, после сейчас же пошел дождь и вот беспрерывно идет до сего времени — 4 часов дня. В Соборе народа было несколько меньше, чем в прошлую Пасху, — налево было достаточно пустого места.

13/26 Апреля 1900.

Четверг Светлой Седьмицы.

В Оказаки.

Утром читал Евангелие от Иоанна о. Матфею, катехизаторам и христианам, чтоб узнать их мнение о переводе. Все нашли его удобным и правильным, только слово «нивадзукури» в 1 ст. 15 гл., «отец мой делатель», не одобрили — советовали «будоодзукури».

В 9 часов обедница, отслуженная с о. Матфеем, и проповедь, сказанная мною о плодах Воскресения Христова.

В 11 часов в церкви же начался «симбоквай». Василий Таде, став у столика, на котором была ваза с цветами и стакан с водой (столлик стоит налево внизу амвона), и отпив глоток воды, чтобы промочить горло, заораторствовал о цели собрания и вдруг неожиданно приплел меня — «30 лет, де...» и проч.

Я должен был отвечать и сказал, что я не более чем спичка, которую зажгли свечу; спичка после этого сама гаснет, и ее бросают наземь, как ни на что не годную. <...>

21 Апр[еля] / 4 Мая 1900.

Пятница Фоминой.

Павел... приходит с огромной рукописью:

— Это вот я сочинил проект исправления преступников и задумал основать всемирное общество для сего. Правил 153 пункта. Продам меч и на вырученные деньги переведу проект на английский язык, напечатаю и разошлю по всем государствам, приглашая членов для создания общества. Будет председатель, епископ будет подавать советы...

— А сколько за меч выручите? — спросил я.

— [Й]ен 700–800.

— Так когда будут у вас в руках эти деньги, вы бросьте их в море или в огонь — употребление будет такое же, как на проект, только для вас меньше будет хлопот. Люди, в тысячу раз умнейшие, чем вы, истощали и истощают усилия для той же цели, о которой задумали вы, и никак не могут достигнуть ее и т. д. <...>

Но удивителен тип рассуждения — ни малейшей, по-видимому, мысли о том, что самому нужно исправиться.

В отчаяние приводит трудность перевода посл[ание] Ап. Петра — за утро и вечер и десяток первых стихов не исправили, а третий раз исправляем; всякий раз добьешься того, что выйдет отлично, понятно, но вновь принялись, глядь, и сами не можем понять, о чем у нас учит Ап[осто]л Петр. Хорош перевод, коли сами переводчики в толк не возьмут, что написано! Боже, что за мучение! Противоположные грамматич[еские] конструкции — изволь тут перевести эту непрерывную на целую страницу цепь текстов. А станешь рубить — смысл извращается; то — золотая цепь, а это — горсть разбросанных колец. Что делать? <...>

22 Апр[еля] / 5 Мая 1900.

Суббота Фоминой недели.

От неборимости трудностей перевода такое убийственное растворение духа, что не смотрел бы на свет Божий! Сколько ни [нрзб], ничего